

**Что скрывают
зеркала**

Наталья Калинина

Наталья Калинина
Что скрывают зеркала

«Калинина Наталья»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Н. Д.

Что скрывают зеркала / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья»,
2016

ISBN 978-5-699-90458-7

Эля нигде не остается надолго – она вынуждена бежать, спасая себя и сына от преследований садиста. Нора счастливо строит карьеру в Барселоне, но однажды получает странное письмо с предупреждением об опасности. Кира не помнит ни своего прошлого, ни даже собственного настоящего имени, а в ночных кошмарах она видит выжженную улицу с разбитыми витринами. Три молодые женщины, которых объединяет одно – тайна, скрываемая зеркалами. Однажды эта тайна заставит их столкнуться лицом к лицу со своими страхами и сплетет три судьбы в один узел.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90458-7

© Калинина Н. Д., 2016
© Калинина Наталья, 2016

Содержание

Глава 1	6
Эля	6
Нора	10
Безымянная	13
Глава 2	19
Эля	19
Нора	23
Кира	26
Глава 3	30
Эля	30
Нора	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталья Калинина

Что скрывают зеркала

*С любовью и благодарностью моим родителям – Елене Борисовне
и Дмитрию Вениаминовичу Калининым*

- © Калинина Н., текст, 2016
- © Исаева О., иллюстрация на переплете, 2016
- © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Эля

Телефон звонил и звонил, вспарывая тишину безликим рингтоном, установленным производителем и так и не сменившим после покупки. Эля смотрела на вибрирующий аппарат со смесью страха и нарастающей паники, боясь не только ответить, но и просто перевернуть мобильный, чтобы увидеть на экране номер звонившего.

– Мама, телефон! – раздался высокий, перекрывающий рингтон голос сына. Тихон произнес эту фразу без недоумения, видимо, успел привыкнуть к тому, что мать каждый раз, когда слышит вызов, реагирует на него таким образом. Просто констатировал факт – телефон звонит – и даже не оторвался от своего занятия: раскрашивать в оранжевые и фиолетовые цвета сказочного дракона.

Только тогда Эля, очнувшись от оцепенения, протянула руку и взяла мобильный – так осторожно, будто боялась о него обжечься. Мельком взглянув на экран, она с облегчением перевела дух и поднесла аппарат к уху.

– Элька, ты чего трубку не берешь? – услышала она недовольный голос Ани. Надо на звонки подруги установить другой рингтон, чтобы не вздрагивать каждый раз, слыша избитую мелодию.

– Была в ванной, – отговорила Эля и мысленно вздохнула, готовясь к долгому эмоциональному рассказу Ани, для которой препятствием не служил даже роуминг.

Но на этот раз подруга не прыгнула, как обычно, после приветствия в монолог без пауз, а обиженно спросила:

– Ты чего – меня избегаешь?

– Говорю ж, в ванной была...

– Я не о том! Ты чего сегодня от меня нос отвернула, когда я к тебе подошла?

– В каком смысле? – опешила Эля, понимая, что никак, ну никак не могла не то что отвернуть от Ани, по ее выражению, нос, но и просто где-то пересечься с ней, потому что подруга пятый день отдыхала в Испании и возвратиться должна была к концу следующей недели. Или она уже прилетела? Но что тогда случилось, что заставило Аню прервать отпуск и вернуться в захлебывающуюся в дождях столицу, в которой лето, несмотря на его календарное окончание, в этом году так и не наступило?

– В прямом! Сделала вид, что мы незнакомы.

– погоди... Ты где? В Москве?

– Нет. В Барселоне. Хоть бы сообщила, что с Тихоном летите! Или ты одна? Или, наоборот, не одна? Тогда чего секретничаешь, я тебе вроде не чужая...

– погоди! – перебила зачастившую вопросами подругу Эля. Из этой тарабарщины она ровным счетом ничего не поняла. Какая Испания, когда им с сыном до следующего гонорара на картошке и хлебе бы дотянуть!

– Аня, я не понимаю, о чем ты! Я сижу здесь, дома, с Тишей, пытаюсь добить рекламную статью про обои, сын раскрашивает драконов и...

– Так это, значит, не ты была?

– Если говоришь, что ты в Испании, то встретила точно не меня.

– Черт, – задумчиво выругалась подруга. – Значит, та девица была права, когда посмотрела на меня как на дуру. Как неудобно-то, а... Но ведь она вылитая ты, зуб даю! Ну разве что выглядит как-то... поуверенней в себе, что ли. И платье на ней новое было, которого я у тебя никогда не видела.

– Ань, я обновок себе уже года два не покупаю! Тебе ли не знать, – грустно вздохнула Эля.

– Вот и я о том же, – сокрушенно, жалея то ли о бедственном положении подруги, то ли о своем промахе, подтвердила Анна. – А платье на ней было такое... недешевое, сразу видно. Из натурального шелка, нежно-голубое, с пышным подолом. Тебе, то есть той девице, оно очень шло! Я еще подумала, что тебе какой-то невероятный гонорар выплатили и что ты молодец, раз наконец-то купила что-то себе.

– Смеешься, да?

– Слушай, подруга, а у тебя случайно нет сестры-близнеца? – оживилась Аня. – Ну уж больно та девица на тебя похожа! Надо было ее сфотографировать и тебе отправить. Может, это какая-то твоя потерянная в детстве сестра?

– Аньк, поменьше сериалов смотри, – усмехнулась Эля, хоть слова подруги ее отчего-то заделали. Может быть, потому, что похожее платье – небесно-голубое, из тончайшего шелка, с широкой темно-голубой лентой на талии и пышным подолом с брызгами солнечных зайчиков по его краю – она видела на днях в витрине одного дорогого магазина, когда по делам приезжала в столицу. Платье было такое ослепительное и одновременно такое нежное, невинное до наивности, что Эля не смогла пройти мимо и остановилась, рассматривая его сквозь отражающее прохожих стекло витрины. Ценник, на который девушка мельком взглянула, одним выстрелом убил ее надежды стать когда-нибудь обладательницей подобного шедевра. У нее нет денег даже на пояс от этого платья. Но это не помешало ей задержаться у магазина, любясь платьем, будто девочка – желаемой куклой в украшенной к Новому году витрине. Эля даже представила себя в этом наряде и босоножках с тончайшими ремешками, красиво обхватывающими ее лодыжки, на такой высоченной шпильке, каких она в жизни не носила. Но тут же и одернула себя: куда и когда ей так вырядиться? Уж точно не в этой жизни, по которой она не идет уверенным шагом, распрямив плечи и с легкой счастливой улыбкой на губах, а передвигается перебежками, опасливо выглядывая из-за угла перед каждым шагом и то и дело осматриваясь. Ее жизнь – перевалочные пункты в виде неуютных съемных квартир, ни на одной из которых они с Тихоном не задерживаются больше чем на полгода, две сумки с нехитрыми пожитками и краткосрочные вспышки праздников с мясом и фруктами на столе в дни получения гонораров.

– ...Я увидела ту девицу, которую приняла за тебя, на выходе из музея и в первый момент так обрадовалась, что даже не подумала, что это можешь быть не ты, – продолжила строчить в трубку подруга. – Радостно завопила и бросилась к ней с объятиями.

Эля невольно улыбнулась, хорошо представив себе, как эмоциональная Анна, широко раскинув руки, накинута на незнакомку.

– А она вдруг отшатнулась и посмотрела на меня как на сумасшедшую. Ей-богу, так и было! А я, представь себе, и тогда еще не опомнилась. «Элька, здорово!» – ору. А она у меня таким настороженным тоном спрашивает, знакомы ли мы. «Ну ты даешь!» – продолжаю орать. И напоминаю, что мы с тобой уже лет шесть как дружим, а сама рассматриваю тебя, то есть ее, уже с недоумением. Мол, ты чего? И представляешь, что она мне отвечает? – Анька сделала паузу, которая своей протяженностью должна была подчеркнуть обиду. – Говорит, что впервые меня видит! И отворачивается. Ну и я... Я развернулась и ушла, кипя возмущением. Целый час тебя костерила, даже собиралась вычеркнуть твой телефон из книжки и никогда больше не звонить.

– И хорошо, что в итоге позвонила, – сказала Эля. Ей даже стало жаль подругу, которая попала в нелепую ситуацию. От мысли, что они могли поссориться из-за глупого недоразумения, Эля поежилась.

– Вот же ж фифа, а?! – выругалась в адрес незнакомки Аня. – И все же как она на тебя похожа! Вот причеши тебя, как ее, обряди в то платье и дай чуть загореть – родная мать спутает.

– Говорят, что у нас у каждого на планете где-то есть двойник. Поздравляю, ты встретила моего.

– Что ж, может быть... – протянула Анна. Немного помолчала и затем спросила, как у Эли дела.

– Без новостей, – кратко ответила та.

– Отсутствие новостей тоже хорошо, – бодро подытожила подруга. – Особенно в твоей ситуации.

Они еще немного поговорили, а затем попрощались. Эля положила телефон на столешницу и перевела взгляд на сына, который, услышав, что мать закончила разговор, оторвался от своего занятия и громко провозгласил:

– Мама, я есть хочу!

– Пожарить картошки?

Сын скривился и энергично замотал головой. Оно и понятно: картошка была вчера на обед, а потом на ужин.

– Спагетти хочу!

Спагетти было его любимым блюдом. После пиццы, конечно. А вот макароны, как ни странно, Тихон не любил. Эля хотела возразить, что им нужно подождать пару денечков, ей вот-вот должны перевести гонорар, и тогда они купят все, что душе будет угодно, но ею вдруг овладела такая злость – на судьбу, на эти перевалочные пункты, на нестабильные заработки. Почему она не может дать сыну всего того, что он заслуживает?! Или хотя бы накормить его любимым блюдом, когда он просит? Эля схватила кошелек с заныканной на черный день неприкосновенной пятисоткой и обулась в растоптанные кроссовки.

– Тиш, посиди десять минут, я в магазин.

Обычно она не оставляла сына одного, и не потому, что опасалась, что он может что-то натворить. Нет, пятилетний Тихон был не по годам спокоен, в какой-то мере оправдывая свое имя, рассудителен и надежен. Но она боялась разлучаться с ним даже на пять минут. В какое-то мгновение Элей овладело желание позвать сына, вернувшегося к своему занятию с таким упоением, будто для него ничего в этот момент не было важнее, чем закончить штриховку драконьих крыльев, но, взглянув на его сосредоточенный затылок, одернула себя: магазин находится в том же доме, где они снимают квартиру, очередей в нем почти не бывает. Ничего за это время не случится. Успокоив себя, она захватила мусорный мешок и спустилась вниз.

В магазине Эля не стала задерживаться, торопливо прошлась между прилавков, кидая в корзину все необходимое – пачку спагетти, брусок бекона, сливки и упаковку шампиньонов, быстро расплатилась и почти бегом вернулась домой. Сын сидел за столом так же, как она его и оставила. От сердца отлегло, и молодая женщина отправилась на кухню.

Готовка ее успокаивала. Но на этот раз, нарезаая лук, а затем – шампиньоны, она не могла отделаться от неприятного осадка. После разговора с подругой настроение вдруг скисло, как забытое на столе в жаркий день молоко, и теперь изжогой подкатывало к горлу, заставляя морщиться, а губы сжимать в упрямую линию. А все потому, что Эле было досадно, что одна уверенная в себе незнакомка, похожая на нее, одетая если не в «то самое», то в очень похожее платье, отдыхает где-то в солнечной Испании, пьет себе мохито или другой коктейль и не думает ни о каких проблемах. Тогда как она потратила сейчас последнюю пятисотку.

Эля высыпала в закипевшую в кастрюле воду спагетти. Бросила к поджаренным на сковороде луку и шампиньонам нарезанный кубиками бекон, добавила сливки и выдавила в них зубчик чеснока. Останется смешать соус со спагетти – и все, их любимое с сыном блюдо готово. «И ничуть не хуже, чем в ресторанах!» – с каким-то вызовом, адресованным все той же незнакомке, подумала Эля. Включив радио, она поискала любимую музыкальную волну и застала отрывок рекламы. «... На улице разбитых зеркал», – произнес мужской баритон фразу, непонятно уже к чему относящуюся. Но не успело раствориться в маленькой кухне, наполненной

паром и дразнящими аппетит запахами эхо последнего слова, как из динамиков бодро грянули вступительные аккорды зарубежного хита.

– Кушать подано! – задорно воскликнула Эля, ставя перед сыном полную тарелку. – Лучшее блюдо от шеф-повара из ресторана «На улице разбитых зеркал»!

– Мам, ты чего? – наморщил лоб Тихон и взглянул на вдруг развеселившуюся мать чистыми, как июльское небо, глазами.

– Так. Ничего. Ешь. Приятного аппетита!

Нора

– Еще что-то желаете? – склонился в нарочито-учтивом поклоне официант – молодой мальчишка лет двадцати – и лукаво взглянул на Нору большими маслинно-черными глазами в опухавших густых ресницах. Этот юноша с профилем модели из мужского журнала и бугрящимися под рукавами черной футболки бицепсами расходовал тестостерон беззастенчиво и щедро, особенно в присутствии иностранных туристок, не смущаясь их морщинистыми шеями и дряблой пятнистой кожей неприлично глубоких декольте. Пожилые туристки из северных стран, утомленные непривычно жарким солнцем и нашедшие кондиционированный оазис в этом баре, обласканные вниманием красивого молодого мальчика, делали все новые и новые заказы – на радость тучному хозяину за барной стойкой, приветливо улыбающемуся в пышные усы одновременно и всем посетителям, и своим мыслям.

– Нет, спасибо, – сухо, не поддавшись блеску белозубой улыбки официанта, ответила Нора. – Рассчитайте меня, пожалуйста.

Счет вышел гораздо больше, чем ожидалось. Девушка слегка нахмурилась, доставая из сумочки кошелек, и в очередной раз зареклась заходить в бары и рестораны, расположенные в туристических местах: еда так себе, а цены заоблачные. Но в августе известные ей кафе и бары закрыты, так что довольствоваться приходилось тем, что отыскалось. Нора расплатилась по счету, оставила обаятельному официанту чаевые – за старания и, поднявшись, оправила подол платья. Торопиться ей было некуда, поэтому она решила не спускаться сразу в подземку к электричкам, а пройти по центру.

Нора любила этот заключенный в оправу гор и моря город – многоязыковой, многокультурный, суетливый, как муравейник, утопающий в смеси запахов морской свежести, расплавленного солнцем асфальта и душного смога. За все прожитое здесь время она так и не устала любоваться и восхищаться им, сочетающим в себе несочетаемое – каменную красоту старинных кварталов и убогость «неблагополучных» улиц-траншей, прорытых между угрюмых без солнечного света зданий. Он был уникальным – с уникальным «квадратным» кварталом Эщампль и пряничной архитектурой Гауди. И она влюбилась в него с первого визита и продолжала любить, с каждым днем вращая своей любовью в него, как молодой дубок корнями – в твердую землю. Но хоть город и отвечал ей взаимностью, Нора предпочла жить в полчасе езды от него, опасаясь утратить романтику периодических свиданий. Она приезжала в город ежедневно, за исключением выходных, пересекала его по диагонали на автобусе, любясь им, просыпаясь, как любовалась бы в предрассветном сумраке профилем любовника. Отрабатывала день в офисе, предвкушая вечернее свидание – короткую прогулку по знакомым местам, кофе, иногда поздний ужин в ресторане и пару раз в месяц поход на выставки и в художественные галереи. Ее ничуть не смущало, что на прогулках ее никто не сопровождал. В их паре она – город третий был бы лишним. Да и за день Нора так уставала от общения, что к вечеру мечтала о спасительном молчании. Эти прогулки были ее своеобразной медитацией, город – собеседником, другом, любовником и наставником, а в целом – ее персональным местом силы. Вся энергия, щедро потраченная во время рабочего дня, возвращалась к ней с избытком после таких свиданий. И довольная, умиротворенная, счастливая, Нора возвращалась на поздней электричке домой – в свой спокойный «спальный» поселок.

Сейчас этот город, который в отпускной август покидали коренные жители и наполняли прилетные птицы-туристы, принадлежал не ей. Она знала об этом и прощала ему временную измену, но все же, отчаянно заскучав по нему, приехала сегодня – ради бесцельной прогулки по случайным улицам, слившимся в спонтанный маршрут, и недешевого кофе в первом попавшемся на пути баре. Но совсем скоро, ровно через неделю, с приходом сентября, все вернется на свои места: откроются знакомые кафе и небольшие магазинчики, прячущиеся на нетуристиче-

ческих маршрутах, концертные залы и галереи вывешат новые афиши. Сентябрь – это начало цикла, второй январь. Нора любила сентябрь, пожалуй, куда больше остальных месяцев – с тех пор, как влюбилась в город. И начинала предвкушать эту пору легких шарфиков, кардиганов, пряно-терпких духов и яркой помады еще с начала жаркого августа.

Нора брела в плотном потоке туристов, неторопливо сочившемся по узким капиллярам Готического квартала, пока не вышла к музею Истории Барселоны. Зашла она внутрь не столько из-за желания погрузиться в другую эпоху (в этом музее Нора была не раз), сколько в поисках кондиционированной прохлады. Но, спустившись на нижние уровни, вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха. То ли толща вскрытых, как нарыв, эпох давила на нее, то ли внезапно нахлынул приступ несвойственной ей клаустрофобии, то ли в полутемных помещениях, принимающих за сутки бесчисленное количество туристов, возникли проблемы с вентиляцией, но только Нора почти бегом, боясь потерять сознание от удушья, добралась до выхода и, поднявшись наверх, с облегчением глотнула жаркого воздуха. Там, на выходе из музея, и произошло то странное происшествие, которое ненадолго выбило ее из колеи. Едва Нора ступила на брусчатку, как ей навстречу с раскинутыми в широком объятии руками бросилась дородная девица.

– Элька! – закричала незнакомка на русском. – Какая встреча! Ты что здесь делаешь?

За мгновение до того, как девица вот-вот была готова заключить ее в тиски объятий, Нора успела инстинктивно отшатнуться, и руки молодой женщины поймали воздух.

– Эль, ты чего? – обиженно удивилась незнакомка.

– Простите?.. Мы разве знакомы?

– Во даешь! А то незнакомы! Эль, ты что, меня не узнаешь?

Незнакомка сняла темные солнцезащитные очки, закрывавшие половину круглого лица, и сдвинула на затылок светлую широкополую шляпу. Однако и это не пробудило в Норе воспоминаний. Молодая женщина, бывшая соотечественница, не была ей знакома, и девушка это повторила.

– Простите, – резко сменив тон с дружелюбного на сухой, извинилась туристка. И торопливо, сбегающая от конфузной ситуации, застучала каблуками босоножек прочь от музея. Нора пожалала плечами: с кем не бывает. Возможно, она и правда напомнила этой молодой женщине кого-то очень хорошо знакомого. Или, наоборот, кого-то, кого та давно не видела и потому обозналась. А может, они действительно встречались – в прошлой жизни, которая осталась отсеченной от этой границами, горами и морем, и это Нора оконфузилась, не признав в молодой женщине старую знакомую? Иначе откуда та знает... Нора замешкалась, в сомнениях оглянувшись на удаляющуюся спину женщины, а затем махнула рукой, развеивая сомнения как сигаретный дым, и направилась в противоположную сторону. Дурнота, нахлынувшая на нее в музее, прошла, но Нора решила вернуться домой. Полчаса дороги в электричке, почти бесшумно мчавшейся вдоль пригородных фабричных зон, сменившихся затем прибрежной линией. Пятнадцать минут пешком по руслу узких переулков-притоков центральной улицы до площади-устья, куда окнами выходило четырехэтажное жилое здание с полукруглыми балконами-террасами. Нырнув, будто под водопад, в арку, Нора вышла на узкую улочку с рискованно припаркованными по обе стороны машинами и направилась к своему подъезду. Возле одной из машин огорченно, оценивая ущерб – сбитое неизвестным автомобилем зеркало, перетапывалась соседская пожилая пара.

– Это просто улица разбитых зеркал какая-то, – громко сказал мужчина, имея в виду, что не реже одного раза в месяц какая-нибудь из припаркованных машин обязательно лишалась зеркала из-за оплошности хозяина и неудачных маневров водителей проезжавших мимо автомобилей. Но, несмотря на это, жители двух соседних домов продолжали парковаться на свой страх и риск в два ряда. Нора поздоровалась с соседями и, уже отпирая ключом дверь, подумала о законе парных случаев: утром в электричке, машинально заглянув в газету сидев-

шего рядом мужчины, она выхватила взглядом одну показавшуюся ей звучной фразой – «На улице разбитых зеркал».

– Оказывается, я живу на этой улице, – усмехнулась девушка тихо, входя в квартиру. – Как хорошо, что у меня нет машины.

Безымянная

Сидеть на подоконнике и глядеть на мир по ту сторону окна стало ее любимым занятием. Кто-то любил смотреть телевизор, а она – в окно, пусть и «настроено» оно было постоянно на одну «программу». Впрочем, это кому-то стороннему могло бы показаться, что пейзаж за окном статический, как телевизионная заставка, но девушка каждый раз подмечала в картине изменения. То на склонившуюся к самому окну ветку усаживалась ворона и смотрела на нее внимательным взглядом, словно вела с ней молчаливый диалог. То поднявшийся ветер принимался раскачивать эту ветку так, что она стучала о подоконник. То под окном на начавшей жухнуть траве оказывалась оброненная кем-то тряпица. И девушка, рассматривая ее, строила догадки, что это могло быть – потерянная кем-то из пациентов кофта или сброшенная ветром вывешенная санитаркой на просушку тряпка. А уже через полчаса ее не оказывалось, и девушка представляла себе картину, как в палисадник, смешно ругаясь себе под нос, спускалась вперевалочку на толстых варикозных ногах за тряпкой санитарка Степановна.

Сегодня мир был похож из-за зарядившего еще с ночи дождя на расплывающуюся акварельную картину, цвета которой смешались в один грязно-серый тон. Все странным образом обесцветилось – макушки деревьев, скамейки, слившаяся с небом земля, прячущиеся под зонтиками прохожие, – словно сегодняшний мир показывали по черно-белому телевизору. Эти тона не навевали грусти, но только потому, что подобная погода не вызывала у девушки никаких ассоциаций и воспоминаний. Погода просто была – сама по себе, отдельно, без привязки к воспоминаниям. Точно так же, без грусти или радости, принимая как должное, девушка реагировала и на солнечный день.

Она уже знала свою короткую историю, казавшуюся персоналу больницы интригующей. Наверняка ее пересказывали домочадцам за семейным ужином и случайно встреченным на улице знакомым. Девушку, имени которой никто не знал, обнаружили две недели назад на автобусной остановке, в ночной рубашке. Она помнила тот день, хоть ее воспоминания и представляли собой не хронологию событий, а дымку из образов и ассоциаций. К примеру, ей вспоминалось, что в тот день солнце проглядывало сквозь облака словно через кружевную вуаль. И что ветер дул хоть и ласковый, но прохладный: ей в ее тонкой ситцевой ночнушке было довольно зябко. А над остановкой витала смесь запахов выхлопных газов и почему-то сена, как в деревне. Девушка помнила, что сидела на остановке долго, но как там она оказалась – приехала ли на транспорте, или пришла пешком, – не знала. Как и то, что или кого ждала – нужного ли автобуса (но куда в таком случае она направлялась?) или человека. На нее оглядывались – кто с любопытством, кто со страхом. Она запомнила группку из трех девчонок-подростков, которые в ожидании автобуса то и дело бросали на нее любопытные взгляды, перешептывались и хихикали, но ни одна из них не отважилась с ней заговорить. Так и сели в подошедший автобус, не спросив у девушки, нужна ли ей помощь, и затем проводили ее взглядами, все одновременно прильнув к окну. Еще ей запомнился парень в костюме. В одной руке молодой человек держал кожаный портфель, в другой – смартфон, на котором что-то без паузы набирал. Он явно не видел реального мира, пропав полностью в виртуальном, – его, словно хищник, проглотило оконце телефона. Он и в автобус сел, не подняв даже на секунду глаз, чтобы удостовериться в правильности рейса. Еще была пожилая женщина с сердитыми седыми бровями, которая окинула девушку недобрый взглядом и нелестно прокомментировала ее «наряд». Но и той женщине не пришло в голову предложить помощь: она притащила на остановку две тяжелые авоськи, из которых выглядывали зонтики сушеного укропа. Видимо, торопилась домой заняться консервацией. Никому не было дела до мучительного выбора потерявшейся девушки – сесть ли на следующий рейс в надежде вспомнить по дороге, куда ей нужно, или остаться ждать. Однако чье-то сочувственное внимание она все же привлекла, потому что раньше сле-

дующего автобуса к остановке подъехала вызванная кем-то «Скорая». Видимо, ее бездействие, ночная рубашка и нарастающая в глазах паника кого-то натолкнули на мысль о потерявшейся душевнобольной.

Душевнобольной она не была. Это стало ясно после тщательного медицинского осмотра. Причина ее амнезии оказалась банальна и в то же время загадочна, отдающая одновременно и криминальным, и сериальным душком, – травма. Где-то и как-то она получила удар, который отформатировал память, лишив девушку не только прошлого, но и имени. Она не утратила обычных навыков: ела, ходила, читала (доктор Илья Зурабович, проникшийся ее историей, то и дело приносил книги), разговаривала. Только вот кто она и как оказалась в этом городке – забыла начисто.

Ни запросы, ни поднятые сводки о пропавших людях, ни поиски родственников и знакомых, которые бы могли ее опознать, ничего не дали. Никто не откликнулся, никто ее не искал. Ее будто не существовало. Может ли так быть? Вот она есть – живая и почти невредимая, осязаемая и видимая, – а будто ее нет и никогда не было.

Мудрый врач Илья Зурабович пробовал различные способы возродить к жизни утраченные воспоминания. Он не сдавался, хоть ситуация и казалась безнадежной. Помимо медикаментозного способа, усиленно пробовал другие методы. Недавно на обязательный терапевтический разговор с пациенткой доктор принес толстую книгу под названием «Тайна имени» и долго зачитывал подряд все имена. А потом отправил девушку в палату с томиком под мышкой и наказанием прочитать все от корки до корки: вдруг замороженная память откликнется робким узнаванием. Увы. Девушка прочитала книгу дважды. В первый раз – в попытке вспомнить собственное имя, тщательно прислушиваясь к себе и своим ощущениям. Во второй – выбирая себе временное, «примеряя» одно за другим, словно платья, и тут же отбрасывая. Ни одно из них ей не подошло. «Может, у тебя было какое-то иностранное имя?» – предположил доктор, грызя задумчиво кончик ручки, словно был он не мужчиной в возрасте, доктором, а первоклассником. «Нет», – уверенно вырвался ответ, прежде чем девушка успела его обдумать. И поправилась: «Не думаю».

Впрочем, от идеи с книгой небольшая польза все же была: пациентка после недолгих колебаний сообщила, что ей кажется, будто у нее есть знакомый по имени Сергей. Но кем он ей приходится – другом, братом, мужем, возлюбленным или отцом, – так и не вспомнила, как не вспомнила и его образ. Илья Зурабович пометил что-то в блокноте и довольно улыбнулся в пышные усы.

Сегодня разговор в кабинете врача начался, как обычно, с вопросов, не вспомнилось ли ей что-нибудь.

– Нет, – качнула головой пациентка. И, как всегда, увидела в космически-черных глазах доктора разочарование и огорчение, как у оставленного без обещанного праздника ребенка. Это выражение она видела часто и каждый раз огорчалась вместе с Ильей Зурабовичем, но не столько оттого, что ей не удавалось вспомнить собственное прошлое, сколько потому, что не смогла обрадовать доброго доктора, так о ней пекущегося.

– Но кое-что мне подумалось... Так, ерунда, – смущенно улыбнулась девушка, сомневаясь, стоит ли говорить.

– В нашем деле любая «ерундовая» деталь может обернуться великим открытием! – важно произнес доктор, и космическая чернота в его взгляде вспыхнула звездами надежды.

– Мне кажется, что у меня были длинные волосы, – произнесла она и машинально провела ладонью по отросшей асимметричной стрижке. Косую челку уже приходилось закалывать, чтобы не падала в глаза, а на затылке все еще торчал короткий хохолок.

– Почему? Ты что-то вспомнила?

– Нет. Но мне непривычно со стрижкой. Иногда я пытаюсь заправить волосы за уши так, будто они у меня длинные, но обнаруживаю под пальцами стриженные виски и в первый момент удивляюсь. Понимаете?

– Понимаю, понимаю! – оживился Илья Зурабович и торопливо сделал пометки в блокноте. – Так-так-так...

– Больше ничего, доктор, – пожалала плечами пациентка. – Увы, больше ничего.

Она уже рассказывала ему, что у нее вошло в привычку разглядывать свое лицо в зеркале. Она полюбила это занятие почти так же, как любила рассматривать пейзажи за окном. Но не с целью самолюбования, а желая прочесть в своих чертах то, что запечатала за семью замками память, – себя. У нее было довольно симпатичное лицо, на котором, при умелом использовании косметики, можно было бы «нарисовать» любой образ: неяркие от природы, но правильные черты позволяли это сделать. «Базовое лицо», как назвала девушка его про себя. Она разглядывала его подолгу, словно страдая нарциссизмом, но на самом деле пытаясь угадать, каким «носила» его в прошлом. Пользовалась ли косметикой, и если да, красилась ли ярко, входя каждое утро в образ роковой красотки, или, наоборот, ей куда ближе был образ «серой мышки», допускающий лишь бесцветный бальзам на губах и иногда немного туши на ресницах? В один из дней девушка попросила медсестру принести ей немного косметики и весь вечер развлекалась тем, что пыталась «восстановить» свое «прошлое» лицо. Вначале долго медитировала над коробочкой с тенями и двумя помадами – светлого и яркого тонов, прислушиваясь к своим ощущениям. К каким цветам в первую очередь потянется рука? Ни тени, ни помада так и не дали подсказки, даже когда девушка вполне умело сделала несколько образов – от «натюрель» до «женщины-вамп». Она себя не просто не узнавала – она себя не знала, будто ее на самом деле раньше никогда не существовало.

– А сны? Сны видишь? Записываешь их? – спросил с надеждой Илья Зурабович, возвращая ее из легкой задумчивости к разговору. Одной из идей доктора был дневник снов. Блокнот с ручкой, принесенные им, теперь всегда лежали рядом с кроватью на тумбочке, чтобы девушка сразу же после пробуждения могла записывать приснившееся. Даже, как сказал Илья Зурабович, ерунду.

А ей и снилась ерунда. Будто от того страшного удара не только отформатировалась память, но и пострадал центр, отвечающий за сновидения. Напрасно они с доктором надеялись, что через сны удастся протянуть мостки из безликого настоящего к насыщенному событиями и людьми прошлому. Никто ей не снился. Только однажды приснилась рыжая собака, похожая на помесь лабрадора и дворняги с белым пятнышком в форме звездочки на боку. И все, больше ни одного живого существа. Зато ей снились какие-то неземные миры, прозрачные коридоры, похожие на огромные стеклянные трубы, переплетающиеся между собой в причудливые загогулины. По этим коридорам и бегала она – то ли куда-то торопясь, то ли от кого-то убегая. Часто ей виделось диковинное место, в котором всё, включая огромные, похожие на подсолнухи цветы, высокую траву и небо, было раскрашено в яркие, до рези в глазах, цвета. Еще снилось багровое море. То ли его окрасило в такой оттенок садившееся за горизонт солнце, то ли оно и было таким – багрово-водяным. «Может, ты инопланетянка?» – пошутил как-то доктор, выслушав от пациентки ее очередной сон. «Может быть», – пожалала плечами девушка. Она бы не удивилась, если бы так оказалось на самом деле.

– Что тебе сегодня снилось? Куда ты сегодня путешествовала во сне? К каким мирам? – с ласковой улыбкой спросил Илья Зурабович.

Девушка сложила руки на коленях, так и не открыв лежащий перед ней на столе блокнот, и ответила:

– Сегодня я оказалась на одной улице. И мне было страшно.

– Страшно? – обрадовался доктор и довольно потер ладони. – Это уже что-то! Почему тебе было страшно? Кто тебя напугал?

– Никто. Мне просто было страшно от самой улицы. Она была такая... неприветливая. Враждебная. Или несчастная. Словно пережившая бомбежку.

Она не стала записывать этот сон в блокнот, надеясь, что неприятное впечатление после него так скорее развеется. Ей не хотелось хранить кошмар ни в ненадежной памяти, ни на невечной бумаге. Но, однако, помнила его в мельчайших деталях, которые, подозревала, вспомнятся ей даже через десяток лет. Возможно, потому, что сон был связан с какими-то ассоциациями, которые тщательно прятала память. Но сейчас девушка не была уверена в том, что желает их вспомнить.

Этот сон начинался, как многие другие, с того, что она куда-то шла. Спроси ее, куда именно, не смогла бы ответить, но при этом двигалась вперед уверенно, словно ведомая встроенным навигатором. На этот раз мир, в котором она находилась, не был «инопланетным», напротив, казался пугающе реальным, выпуклым. И не только из-за обстановки, но и из-за наполняющих его запахов и ощущений.

Она шла по незнакомой безлюдной улице, которая петляла между темными домами, будто ручей среди валунов, подныривала под арки, выплескивалась на крупнозернистый асфальт спусков и подъемов, обтекала детские площадки и крошечные скверы. Девушка была в той же ночной сорочке, в которой ее и обнаружили на остановке. Поначалу, когда солнечные пятна еще падали золотыми веснушками на серый асфальт улицы, она не испытывала холода. Но широкая улица постепенно сужалась, стены домов будто наступали со всех сторон, заключая девушку в серокаменный плен. Солнечный свет уже не лился широким потоком, а ронял на улицу скудные проблески. Девушка то и дело бросала взгляд на небо и с нарастающей тревогой замечала, как оно темнеет, скрываемое стремительно наползающей на него тучей. «Не успею», – в какой-то момент подумала она и поежилась от внезапного порыва ветра, проникшего в вырез на груди и надувшего сорочку за спиной пузырем. Бросив еще один тревожный взгляд на небо, с которого исчезло за тучей солнце, девушка остановилась, но только для того, чтобы подтянуть сорочку так, чтобы ее подол не путался меж колен, а затем побежала – на исходе сил, на пределе возможностей, подгоняемая страхом не успеть. Этот страх был такой сильный, что она даже не почувствовала боли, когда споткнулась обо что-то и упала, разбив в кровь колени и локти. Она ощущала только бегущий по спине холодный пот, стук крови в висках и запах чего-то горелого, который прилипал к коже, путался в волосах, забивался в ноздри, вызывая тошноту. «Беги!» – скомандовала она себе и рванула будто спринтер с низкого старта. Бежать – прорываясь сквозь уплотнившийся воздух, наперекор толкающему в грудь сильному ветру, со сжатыми зубами, сквозь которые вырывались то ли стоны, то ли злые от переполняющего отчаяния крики, минуя пугающе безлюдные площадки с раскачивающимися пустыми качелями, ныряя в дымчатый сумрак словно в черные дыры. Улица, сузившаяся до размеров траншеи, вдруг раскрылась, будто разжался кулак, небольшой площадью, по которой ветер гонял обрывки газет. За один из них зацепился ее взгляд. «На улице разбитых зеркал», – прочитала она заголовок, под которым увидела фотографию показавшейся знакомой улицы и белую фигурку на ней. «Да это же я!» – внезапно поняла девушка. Некто снял ее на невидимую камеру, пока она бежала, и успел напечатать фотографию в газете. «Не задерживайся! Это ловушка!» – услышала она внутренний голос и спохватилась. Бегом пересекла площадь, поднырнула под очередную арку и опять оказалась на неширокой улице. Запах гари усилился до такой степени, что стало трудно дышать. Девушка закашлялась и, задыхаясь, схватилась за горло. Когда приступ кашля прошел, она вытерла выступившие слезы и наконец-то смогла оглядеться. С обеих сторон ее обступали фасады трехэтажных домов с разбитыми окнами. Осколки усыпали дорогу так густо, что девушка остановилась, боясь сделать следующий шаг. Разбиты были и витрины, образующие первые этажи домов, за которыми висели зеркала всевозможных размеров и форм. Из-за того что их поверхности испещряли трещины, размножившиеся будто на принтере, изображение девушки казалось искаженным, уродливым, где-то

обрезанным. Словно попала она в королевство кривых зеркал, однако внушала эта «зеркальная» улица не радость и веселье, а ужас. Все эти зеркала обвивали, словно траурные ленты, струи черного вонючего дыма. «Опоздала», – пробило, будто пуля сердце, понимание. Девушка рухнула на осколки коленями, обхватила голову руками и, подняв лицо к небу, куда устремлялись ленты траурного дыма, закричала. Это было имя, одно имя, которое раз за разом выкивали не ее губы, а изрезанное бедой, словно зеркальными осколками, сердце.

– ...И что это было за имя? – спросил Илья Зурабович, внимательно выслушав пациентку.

– Не помню. Помню только, что оно было мужским.

– Сергей? – подсказал, сверившись с записями в блокноте, доктор.

– Нет, – качнула она головой и, чуть подумав, словно прислушиваясь к своим ощущениям, повторила: – Нет. Другое. И оно вызвало у меня отчаяние и сильную боль.

– Гм... Интересно, – Илья Зурабович снова стал делать пометки в блокноте. «История неизвестной», – девушку так и подмывало предложить заголовок к его записям.

– Надо бы тебе вновь полистать эту книгу, – кивнул доктор на лежащий на краю стола том «Тайна имени». – Вдруг еще что вспомнишь... Кстати, не пора ли тебе выбрать временное имя?

Это предложение – назваться любым именем – она до этого момента отвергала, предпочитая отзываться на «пациентку» или «эта без памяти» (так ее между собой называли медсестры и нянечки), безликое «девушка» или «милая моя» (Илья Зурабович). Возможно, поддалась странному суеверию, что если она прикроется чужим именем, то не вспомнит свое, родное. Но сегодня девушка, вздохнув, взяла книгу со стола, раскрыла почти на середине и ткнула пальцем в верхнюю строку:

– Кира.

– Кира? – поднял доктор брови. – Тебе нравится это имя?

– Мне все равно, – пожала она плечами. – Но вы правы, надо же мне как-то назваться, неприлично... безымянной оставаться уже почти месяц.

Она усмехнулась и повторила, будто пробуя на вкус, свое новое имя:

– Кира. Мне нравится, как звучит.

– Хорошо... Кира, – улыбнулся доктор. – Так что же, моя дорогая Кира, ты еще нам расскажешь? Говоришь, улица из сна тебе показалась знакомой?

– Знакомой во сне, но не наяву. Это мне только снилось, что она знакома.

– Ясно. Но, сдается мне, не пустой это сон. Жаль, что ты его не записала, как я просил.

– Я не уверена, что мне хочется анализировать его, – невольно поежилась Кира.

– А нужно. Не всегда лечение бывает безболезненным. Кстати, думаю, что свяжусь-таки с моим коллегой из Москвы, практикующим гипноз. Ты любопытный случай, уж прости.

– Нам нужно будет поехать в столицу?! – ужаснулась Кира. Внимательный Илья Зурабович не пропустил испуга, мелькнувшего в ее глазах. Отложив ручку так аккуратно, будто боясь неосторожным движением или шумом нарушить нечто эфемерное, готовое дать важную зацепку, он сложил ладони перед собой так, что кончики указательных пальцев сомкнулись напротив его полных губ, и тихо спросил:

– Ты боишься ехать в столицу?

– Нет, но... Не знаю. Просто вырвалось.

– Если вырвалось, то это не «просто». Я подозревал и подозреваю, что приехала ты к нам из столицы.

– Почему?

– Интуиция. Могу, конечно, и ошибаться.

Кира пожала плечами и поднялась, чтобы уйти. Но в последний момент бросила взгляд на лежащий на столе «кирпич» «Тайна имени» и, повинуясь порыву, спросила:

– Могу я взять это с собой?

– Конечно, конечно, милая! Я же предложил, – засуетился Илья Зурабович и сам торопливо протянул ей книгу, все еще не теряя надежды, что та в буквальном смысле слова поможет ей открыть тайну ее имени.

Глава 2

Эля

День с утра рассыпался в руках словно высохший ком земли, хороня под слоем образовавшейся пыли все планы и надежды на спокойное ближайшее будущее. Неприятности начались еще с ночи, когда Эля увидела кошмар, детали которого к утру из памяти выветрились, но осталось ощущение как после глотка тухлой воды. Даже чашка растворимого кофе с остатками молока не помогла избавиться от неприятного привкуса. Да и как иначе, ведь ощущение осталось не на языке, а в голове, разболевшейся от воскрешенных кошмаром воспоминаний. Раз в две недели Эля видела этот сон словно напоминание: как бы она ни стремилась скрыться, спрятаться, наматывая километры, заматывая следы и меняя телефонные номера, опасность приклеилась к ней как вторая кожа.

– Мама, ты сегодня опять кричала ночью, – заметил Тихон, сонно болтая ложкой в чашке с чаем.

– Мне снился большой зеленый монстр, который доедал мой последний йогурт, – отшутилась Эля. Сын, похоже, поверил, потому что принялся утешать ее и обещать в следующий раз прийти ночью на помощь и прогнать нахального монстра, ворующего йогурты из холодильника:

– Я тебе приснюсь и победу всех монстров!

– Конечно, мой хороший! Ты у меня такой смелый. Только надо говорить «одержу победу».

– Почему?

– Потому что нет такого слова – «победу».

– Но я все равно приснюсь! И всех монстров – пах-пах-пах! Бум! Бум! Тра-та-та-та!

Тихон с упоением, забыв о чае, принялся изображать, как взрывает и расстреливает монстров. Эля с улыбкой смотрела на сына – ее радость и единственную опору, и внутренний «монстр», прочно запутавшийся в воспоминаниях, немного притих. Страшно даже подумать, что сына у нее могло не быть. Тогда бы ее жизнь сложилась совсем по-другому, скорей всего, намного спокойней, без тех унижений, мучений и кошмаров, через которые ей пришлось пройти. Но была бы она полной? Вряд ли. Без тепла маленьких ладошек, гладящих ее по лицу после пробуждения, без звонких поцелуев перед сном, без детского запаха – смеси запахов карамели, молока и сливочного печенья, без улыбки с одним недостающим молочным зубом – ее жизнь не стала бы счастливой, даже если бы ей никогда больше не пришлось испытывать нужду. Постоянная нехватка денег, ночные бдения за компьютером из-за срочной работы, переезды, съемные квартиры и «монстры» в ее снах – это плата за счастье прижимать к себе сына, дышать в его светлый затылок, ловить губами непослушный вихор. Нет, если бы у нее была возможность на развилке опять выбирать дорогу, она бы все равно пошла по этой, даже зная, что ее ожидает впереди. Лишь бы в ее жизни был Тихон.

Сразу же после завтрака Эля проверила банковский счет, надеясь на поступление ожидаемого гонорара. Но на счету оставалась последняя сотня, а в электронном ящике оказалось письмо от заказчика с извинениями: обещанные деньги за работу ей выплатят в следующем месяце, и никак не раньше. Но не успела девушка отстучать кипевший праведным возмущением ответ, как получила другое сообщение – от второго клиента. Тот тоже сообщал, что переведет деньги только через две недели.

– Да вы что, сговорились?! Я без копейки! Мне ребенка кормить не на что! – крикнула под недоуменным взглядом сына Эля и в сердцах стукнула кулаком по столешнице.

Вчера она потратила последнюю пятисотку, отложенную на черный день, еще не зная, что следующий день и будет черным.

– И за жилье платить, – простонала Эля, уже представляя себе в красках телефонный разговор с хозяйкой квартиры – пожилой дамой, относящейся не к классу доброжелательных и безропотных бабулек-одуванчиков, пекущих пирожки и вяжущих носки, которых обидеть-то грех смертный, а к когорте именно стареющих дам со стервоточинкой в прищуренных глазах и с априори всем недовольно поджатými губами. Одним из первых условий, на которых хозяйка ей сдала квартиру, было платить вовремя, ни днем позже. Эля как раз придумывала, как вывернуться из возникшей ситуации, как хозяйка, будто почуяв неладное, сама ей позвонила.

– Деточка, – начала она тем приторно-ласковым тоном, от которого уже начинаешь ожидать плохих вестей, – мне неприятно это сообщать, но вам придется освободить квартиру.

– Почему?! – воскликнула Эля, судорожно перебирая в памяти все возможные грехи, из-за которых их решили выставить вон. Они с Тихоном не шумят – соседям жаловаться не на что. Плата за квартиру до этого вносилась вовремя. Так в чем дело?! От этого известия у Эли будто из-под ног выдернули половичок, она даже покачнулась, словно на самом деле потеряла равновесие, и ухватила рукой за стену.

– Моя дочь возвращается через три дня, ей понадобится жилье, – объяснила хозяйка.

Эле припомнилось, что о чем-то таком, вручая ключи, ей говорили. О том, что взрослая дочь хозяйки в настоящее время проживает за границей и квартиру, которая на самом деле принадлежит ей, сдает через мать, но на условиях, что, как только жилье понадобится, квартиранты должны освободить его. Эля все это выслушала тогда вполуха, не принимая на свой счет. Их с Тихоном остановки-передышки всегда были короткими, и она даже подумать не могла, что настоящая хозяйка квартиры вернется раньше, чем они решат опять сняться с места. В этот раз Эля надеялась задержаться дольше, даже устроила Тихона в детский сад, заплатив заведующей немислимую для ее бюджета взятку.

– Но нам некуда идти! – предприняла девушка попытку разжалобить хозяйку.

– Ничем не могу помочь, – отрезала та. – Квартира мне нужна через три дня.

Вот и обернулось темной стороной то обстоятельство, которое Эля изначально посчитала за удачу: снять квартиру без посредников, без комиссионных и договора, только на одних честных обещаниях. Она переложила телефон в другую руку и бросила на Тихона встревоженный взгляд: сын прекратил строить из детского «Лего» башню и теперь внимательно прислушивался к разговору. Для своего возраста он понимал слишком много. К сожалению, некоторые жизненные уроки заставляют взрослеть стремительно. Эля чувствовала за собой вину перед сыном и всячески старалась продлить ему детство, покупая книжки с добрыми сказками, детские конструкторы и раскраски с мультяшными персонажами. Готовя завтрак, из продуктов составляла целые картины (идею она позаимствовала из Интернета). И когда у нее выдавалась свободная минутка, играла вместе с Тихоном: то они сооружали из стульев звездолет, то из одеял и подушек – замок. Зимой обязательно играли в снежки, строили крепость и лепили снеговиков. Летом ездили вдвоем на пикник в ближайший парк, захватив с собой из дома бутерброды и газировку. А осенью собирали гербарии из опавших листьев и делали из собранных шишек человечков. Она старалась создать видимость полной семьи. Но, несмотря на это, так и не была уверена, что в один день, когда Тихон, может, уже будет большой, какие-нибудь жизненные обстоятельства не сорвут печати с заархивированных воспоминаний и не пустят под откос благополучно идущие друг за другом вагоны дней. Как бы ей хотелось навсегда стереть пережитое из памяти сына!

– Эльвира? – окликнула ее хозяйка, обеспокоенная затянувшейся паузой. – Вы меня слышите?

Девушка поморщилась, услышав, что женщина ошибочно назвала ее другим именем, но поправлять не стала.

– Да. Да, я вас слышу. Мне потребуется время, чтобы найти жилье. За три дня это сделать невозможно. Вы что, способны выставить на улицу пятилетнего ребенка?

– Неделя, – после недолгой паузы смиловилась хозяйка. – Неделя – и ни дня больше.

Этот разговор опустошил Элю так, будто мобильный всосал в себя все ее жизненные соки, оставив вместо нее пустую оболочку. Девушка бессильно опустилась на подлокотник кресла и свесила руки-плети меж колен, некрасиво ссутулив плечи. Поза обреченности. Только ей подумалось, что в их жизнь на какое-то время вошла иллюзия стабильности, как вновь поднялся ветер перемен и что есть силы дунул в обвисшие паруса – изорванные и истрепанные предыдущими ураганами. Ей не хочется никуда съезжать. Здесь им с Тихоном уютно и относительно спокойно. У нее уже просто нет сил вновь паковать вещи и переезжать на новый адрес. Сколько может занять поиск квартиры? И где ей взять деньги на комиссионные, если и на бутылку молока сейчас нет? Эля застонала и силой стукнула себя по колену, чтобы не заплакать на глазах у сына.

– Мам? – тихо позвал тот и, подойдя к ней, осторожно тронул за локоть. – Мы должны опять уехать?

– Да, мой хороший.

– Почему?

Что ему на это ответить? В этот момент Эля возненавидела ту неизвестную молодую женщину, которая неожиданно решила вернуться из благополучной Европы и отнять у них ненадолго установившееся спокойствие. Возненавидела почти так же, как того, кто превратил ее жизнь в кошмар и вечные бега.

– Я не хочу уезжать. Мне здесь нравится, – сказал Тихон, так и не дождавшись ответа.

– Я тоже не хочу. И мне тоже здесь нравится, – отозвалась она вместо того, чтобы начать как-то уговаривать сына. И, похоже, в ее голосе сквозила такая обреченность и печаль, что это пятилетний Тихон, а не она его принялся ее утешать:

– Но мы найдем другой дом. Даже еще лучше! И нам там разрешат держать собаку! Правда, мам?

– Правда, мой хороший.

Собака... Неисполняемая мечта Тихона. Им, кочевникам, заводить собаку никак нельзя, хоть они и мечтают оба о толстолапом щенке. Одно из условий, которые выставляют хозяева съемных квартир, – отсутствие животных. Да и не готова Эля обрекать ни в чем не повинное существо на такую нестабильную жизнь, к которой они приговорены. К горлу вдруг подкатил комок: ей вспомнился Звездочка. Рыжий, смешной, преданный... Где он сейчас? Гуляет за радугой, со звонким лаем гоняет облака. Если бы не он, не было бы у них с Тихоном даже этой кочевой жизни. Сын как-то сказал, что помнит большую рыжую собаку, хотя, как Эле казалось, помнить не мог.

– Почему бы тебе не нарисовать наш будущий дом? – предложила она, взяв себя в руки.

– И собаку?

– И собаку, конечно!

Пока Тихон занят, ей нужно подумать и решить, как им быть дальше. Для начала – где взять денег. Эля открыла ноутбук и написала два деловых и строгих письма заказчикам, в которых уже не просила, а требовала заплатить ей вовремя. А затем, не особо надеясь на совесть работодателей, набрала номер подруги. Ну и что, что та за границей. Аня найдет способ ей помочь. Но Анна не брала трубку. Тогда Эля сбросила подруге сообщение с просьбой срочно перезвонить.

Дела в этот день, начавшийся так катастрофично, валились из рук. Эля не могла сосредоточиться ни на чем, ожидая ответа от заказчиков (а те будто специально решили мариновать ее молчанием) и звонка от подруги.

И когда наконец на столе завибрировал телефон, Эля метнулась к нему так стремительно, что невольно испугала занятого рисованием Тихона.

– Аня! – прокричала она, готовясь обрушить на подругу ворох своих проблем.

– Привет, – раздался в трубке голос, от которого внутренности обдало ледяным ветром ужаса. Это была не Анна. Дыхание перехватило, пальцы судорожно вцепились в телефон в противовес инстинктивному желанию отшвырнуть его как ядовитую змею. Лишь в одно это мгновение, растянувшееся до вечности, Эля умерла, осыпавшись колкими ледяными кристалликами, и вновь возродилась, чтобы в бешеном темпе провернуть мысленно все ходы-решения. Она даже не задалась вопросом, как ее смог найти этот человек, ведь она в очередной раз сменила не только адрес, который не знала даже Анька, но и номер телефона. Он всегда ее находил. Элю спасало лишь то, что она шла на опережение. Пусть на полшага, но опережала – благодаря этой ее способности в одно мгновение умирать, осыпаясь льдом или сгорая в пожаре паники, и тут же возрождаться – обновленной, способной принимать самые безумные решения в считанные секунды. И вот опять. Успеть опередить хотя бы на полшага.

Нора

Конверт был точной копией ранее полученных, словно отправитель однажды купил их целую пачку: белый со светло-синей каймой с левой стороны, как если бы его случайно обмакнули в подсиненную акварелью воду. Обычно вся корреспонденция Норе приходила в скучно-белых конвертах с напечатанным на них адресом. На этих же, с синей полосой, без почтовых штемпелей и марок, вместо адреса получателя стояло краткое «para Nora» – «для Норы». Некто, не называвший своего имени, дважды в неделю опускал ей конверты прямо в почтовый ящик. А в письмах были либо стихи (как его, так и классиков), либо тонкие комплименты. И хоть обратного адреса на конвертах не стояло, их отправитель наверняка жил где-то поблизости, может быть, даже в одном с ней подъезде, так как он нередко писал, где видел Нору, что она в это время делала и во что была одета. Стиль письма выдавал образованного и начитанного человека, писал он практически без ошибок, если не считать той мелкой путаницы, свойственной местным билингвам, когда в разговорном испанском проскальзывают каталонские словечки. К примеру, употребляя союз «и», автор вместо испанского «у» упорно печатал каталонский союз «і». А больше Норе о нем ничего не было известно: ни возраста, ни имени, ни адреса. Вычислить анонимного воздыхателя, тайно следящего за ней, никак не получалось. Нора изучила все имена на почтовых ящиках, но проживающих в их подъезде мужчин было почти столько же, сколько квартир. Одиноких – трое. Но это тоже ни о чем не говорило: автор писем необязательно мог быть холостяком. Так же как необязательно мог проживать в одном с нею подъезде.

Радовали ли Нору эти письма? Скорее настораживали и пугали, хоть за целый месяц таинственный поклонник и не предпринял шагов для сближения. Но девушка, каждый раз выходя из подъезда, спиной ощущала невидимый взгляд наблюдающего за ней человека и невольно ежилась, словно ей за шиворот насыпали колкого песка. Не один раз она оглядывалась на окна, пытаясь вычислить, из какого за ней следят, внимательно вглядывалась в витрину бара в доме напротив, подозревая в завсегдатаях, устроившихся в его недрах с чашкой кофе или кружкой пива, своего поклонника. Но и это не помогало разгадать загадку. Все окна дома казались ей пустыми, а посетители бара беседовали между собой, и ни один из них не смотрел в ее сторону. Нора немного успокаивалась, но уже на следующий день могла получить очередное письмо, в котором, помимо поэтических сравнений, некто подробнейшим образом описывал ее наряд, восхищался не только новым платьем с асимметричным рисунком, но даже деревянными бусами. Такая слежка заставляла ее чувствовать себя обнаженной, вызывала нервозность и ощущение опасности даже дома. Нора всерьез стала подумывать о том, чтобы переехать, и один раз даже зашла в агентство недвижимости, но единственный агент оказался занят, и девушка, прождав четверть часа, ушла, так и не поговорив. Впрочем, уже по дороге домой она отругала себя за паранойю. Квартира, которую она снимала, устраивала ее по всем параметрам, похожую подыскать будет не так просто. Нора переехала в нее чуть больше года назад из маленькой и сырой квартирki, которую снимала до этого. Ей повезло найти светлую и теплую в относительно новом доме по цене ниже рыночной. Такой второй во всем поселке не найти. Да и переезд та еще головная боль. И не факт, что тайный воздыхатель не выследит ее в их небольшом поселке, где невозможно пройти и пяти минут без того, чтобы не встретить знакомые лица. Нора просто решила выбрасывать новые письма не читая. И так поступила с двумя последними.

Но сегодняшнее послание отличалось от предыдущих тем, что в конверте прощупывалось что-то похожее на тонкую картонку. Неизвестный поклонник решил прислать ей поздравительную открытку? Странно, поводов для этого, насколько она знает, нет. Нора поднялась на свой этаж, открыла дверь и прямо в туфлях прошла на кухню, думая сразу же избавиться от

нежеланного послания. Но, уже подняв крышку мусорного ведра, внезапно одумалась: неизвестно, как поведет себя в дальнейшем ее поклонник, какие у него помыслы. Может, потребуются доказательства его преследований на тот случай, если придется обратиться в полицию. Конечно, доводить ситуацию до крайности Нора не собиралась, но подстраховаться не мешало. Едва так подумав, она нервно усмехнулась: ей просто признаются в симпатии, а она уже видит в этом преследование. И все же она не выбросила конверт. Напротив, решительным движением оторвала сбоку край и вытащила сложенный вчетверо (как всегда!) листок с отпечатанным на нем текстом (аноним не желал открывать тайну своей личности даже через почерк), а затем – старую открытку с фотографией какой-то железнодорожной станции с множеством переплетающихся путей. «Узловая» – виднелась полустертая надпись на вывеске на деревянном домике крошечного вокзала.

Не удержавшись, Нора бегло пробежала взглядом текст, а затем перечитала его еще раз, уже внимательней. Сегодняшнее письмо кардинально отличалось от предыдущих тем, что на этот раз анонимный поклонник писал не о своих чувствах и не стихи, а вступил без приветствия, будто продолжил прерванный ненадолго разговор.

«...Как я уже тебе рассказывал в предыдущем письме, это место существует на самом деле. Место, где жизнь делает крутой вираж, сворачивает не на те рельсы и идет дальше вразрез всем расписаниям. Может быть, кем-то и когда-то так было запланировано. А может, все происходит случайно. Но как бы там ни было, оно существует. Я называю его про себя местом, где теряешь себя. В парке Тибидабо есть такой аттракцион – зеркальный лабиринт. Может, он называется по-другому, уже не помню, не в этом суть. Тыходишь в зеркальный коридор (на входе тебе выдают одноразовые перчатки, похожие на те, что есть в каждой овощной лавке, чтобы не оставлять следов. Не здесь ли уже ты начинаешь терять свою индивидуальность? Не оставлять следов...). Да, тыходишь в зеркальный коридор и идешь по нему в полумраке, выставив вперед ладони в прозрачных перчатках, а параллельно с тобой идут еще несколько таких же Ты. Ты идешь до тех пор, пока не упираешься руками в стеклянную стену, и тогда понимаешь, что коридор впереди – лишь иллюзия, отражение и тебе нужно искать другой поворот. Ты разворачиваешься, а вместе с тобой поворачивают и все твои другие Ты, и вы тычетесь в зеркальные стены до тех пор, пока одна из них действительно не оказывается коридором. И так до следующего тупика. А потом одна из зеркальных «улиц» выводит тебя в комнату кривых зеркал, в которых ты видишь свое искаженное изображение. Их так много – искаженных изображений, что ты начинаешь сомневаться, какая же ты на самом деле. Где ты – настоящая? И у тебя даже может возникнуть желание разбить все эти зеркала, уничтожить все твои другие «я», живущие в параллельных коридорах. Останавливает то, что ты не знаешь, какая из них останется и на самом ли деле она настоящая... Тыходишь из этой комнаты, кивнув на прощание внезапно проявившемуся в одном из зеркал скелету. И торопишься попасть наружу, сдерживая желание разбить зеркала, уничтожить в них стеклянные перегородки, которые обманывают ложными выходами и множат твои «я».

Была ли ты в этом парке? Я так отчетливо представил тебя в том лабиринте, блуждающей по зеркальным улицам, что даже не сомневаюсь в том, что ты там была и хоть на мгновение, но испытала те же ощущения, что и я.

Но может, тебе по душе другая аллюзия? Эта старая открытка (кстати, русская, как и ты) попала мне недавно между страниц одной из книг – словно ответ на мои мысли. И я посчитал это знаком. У этого места даже есть название, которое я, не владеющий твоим языком, не могу правильно прочитать. Может, оно тебе окажется больше по душе. Место, где связываются в узлы нити-дороги.

Но неважно, какое сравнение тебе больше нравится. Главное то, что ты – та, которая однажды потеряла себя настоящую. Я осмелюсь это утверждать, хоть и не настолько хорошо тебя знаю. Когда-то ты заблудилась в зеркальных коридорах. Или, если тебе так больше нра-

вится, когда-то в твоей жизни что-то произошло, что перевело стрелку и направило состав на другой путь. Возможно, ты так решила сама. Я не знаю твоего прошлого, откуда ты тут появилась и почему. Но почти уверен, что ты – та, которая однажды потеряла себя настоящую. Откуда взялась такая уверенность, на чем она основана? Ни на чем, кроме моей интуиции и узнавания себе подобного. Я тоже однажды потерял себя настоящего.

Возможно, ты сочтешь мои слова абсурдными, припишешь их нездоровому человеку, чудаку. Пусть. Но если они тебя заставят задуматься (после того как вызовут у тебя негодование, может, злость и отрицание), если помогут тебе когда-нибудь найти себя настоящую, я буду счастлив. Сделай это ради себя и ради тех, кто так и не смог найти себя, кто позволил «копии» заменить настоящее «я».

Разбей зеркала на этой проклятой улице!»

Листок, когда Нора перечитывала его во второй раз, дрожал в ее руках. И вдруг она, повинувшись внезапно обрушившемуся на нее страху, отшвырнула письмо, будто оно обожгло ей руки. И еще долго в растерянности, часто дыша, смотрела на прямоугольный лист бумаги, лежащий перед ней на полу. Сомнений почти не осталось: человек, пишущий ей, нездоров душевно. Быть преследуемой душевнобольным – этого ей еще не хватало! Нора почувствовала, как по спине, вызвав озноб, прошла волна холода. Но напугала ее не столько мысль о том, что ее тайный поклонник, возможно, нездоровый человек, сколько пронизательность автора письма: Нора не так давно была в парке Тибидабо в зеркальном лабиринте и действительно испытала нечто похожее на то, что описал в своем письме неизвестный. Откуда он мог это знать? Девушка обняла себя руками и опасно покосилась на листок. Ей захотелось немедленно выбросить его, но она пересилила себя, подняла и убрала вместе с открыткой обратно в конверт, который затем положила в кухонный ящик под стопку полотенец. Пусть лежит.

Кира

Территория за зданием больше походила на городской парк, чем на больничный сквер. Аккуратно подметенные дорожки извивались между цветущими клумбами, засаженными аютиными глазками, бархатцами и петуниями. Высокие свечи тополей, стоящие в позолоченных канделябрах уже опавшей листвы, подпирали чистое синее, с белыми росчерками облаков небо и снисходительно поглядывали на более низкие липы и клены, отбрасывающие на пока еще зеленые газоны не только веснушки осыпавшейся листвы, но и – в солнечный день – разлапистые тени. Два белых мраморных льва сторожили, словно вход в сокровищницу, трехступенчатую широкую лестницу, ведущую к фонтану в круглой окантовке небольшого бассейна. Кира уже знала, что зданию больницы более сотни лет. Когда-то это была загородная летняя резиденция одного столичного генерала. И трехэтажное здание, формой напоминающее букву «П», и парк за ним, куда выходили окна средней части, и львы, и фонтан принадлежали еще его семье. После революции поместье было национализировано и отдано вначале под туберкулезный диспансер, потом, в военное время, под госпиталь, а с начала пятидесятых и по сей день в здании располагалась больница.

Каждое утро до обеда Кира прогуливалась в сквере. Если моросил дождь, она, кутаясь в принесенную санитаркой старую мужскую куртку, пахнущую табаком, медленно бродила по дорожкам. Если день выдавался солнечный, как сегодня, доходила до фонтана и устраивалась на широком парапете как на лавочке. Наблюдая за прогуливающимися, Кира представляла себе, что находится не на больничной территории, а в парке, куда приехала после работы. Это уже вошло в привычку – фантазировать, где бы она могла работать. И каждый раз девушка придумывала себе новую профессию – от офисного менеджера до художницы, выбравшейся из тесной студии за вдохновением. И пусть по скверу прогуливались не бодрящиеся пенсионеры, собачники с питомцами и молодые мамы с колясками, а пациенты в халатах, накинутых поверх пижам, это ничуть не портило атмосферу придуманного «выходного».

Сегодня Кира не фантазировала о том, где могла бы работать до того, как оказалась на остановке в этом городе. Ее мысли занимало другое – имя, найденное в принесенной Ильей Зурабовичем книге. Как-то так получилось, что в первые два раза, пролистывая книгу, она не остановилась на нем, не «узнала», как мелькнувшее и скрывшееся в толпе лицо подзабытого знакомого, с которым связь давно утрачена. И только в третий, переворачивая очередную страницу, вдруг замерла, будто некто догнал ее и остановил, положив руку на плечо. И теперь, вчитываясь в это пятибуквенное имя, она пыталась «поймать» словно то и дело ускользающую радиоволну, воспоминание. Не это ли имя она выкрикивала в недавнем сне-кошмаре суровому небу? Но когда ей почти удалось поймать пробившийся сквозь шумы и помехи слабый «сигнал», некто бодрым жизнерадостным восклицанием сбил все настройки:

– Привет, подруга!

Рядом с Кирой на парапет присела молодая женщина в спортивном адидасовском костюме и розовых тапочках, обутых на белые носки. Кира не сдержала молчаливой досады, отразившейся на ее лице. И нарушившая ее покой молодая женщина тут же всполошилась:

– Ты мне не рада? Или что-то случилось?

– Рада. Случилось, – кратко ответила Кира и кивнула в знак приветствия Свете – ее ново-явленной подруге в этом чужом мире. Подруга поневоле, с которой объединяло лишь заключение в больничных стенах. Светлана залечивала черепно-мозговую травму, полученную в аварии, и была уже близка к выписке. В отличие от Киры.

– И что же случилось? – Светло-карие глаза молодой женщины вспыхнули жадным любопытством. Все, связанное с безымянной девушкой, история которой распространилась в пределах больницы со скоростью огня по сухой траве, казалось интригующим, как латино-амери-

канский сериал, и Светлана, которая набилась ей в подруги, считала, что имеет право знать одной из первых обо всех новостях. Хотя бы потому, что попросила через навещающую ее мать принести Кире кое-какую одежду. Пижама, спортивный костюм и новые тапочки – все это было подарком от Светланы. Как и минимальный набор средств гигиены – дешевый шампунь, бальзам-ополаскиватель и пахнущий цитрусовыми гель для душа.

– У меня появилось имя, – ответила Кира.

– Вспомнила?! – обрадованно взвизгнула Светлана и, вскочив на ноги, протянула руки то ли в порыве обнять ее на радостях, то ли просто коснуться плеча.

– Нет. Придумала. Выбрала, – Кира кивнула на книгу и сдержанно улыбнулась. – Не могу больше ходить безымянной и откликаться на «подругу».

– «Тайна имени», – прочитала Светлана с поумерившимся в голосе восторгом. – И? Как же тебя теперь зовут?

– Кира.

– Гм... И что это имя обозначает?

И прежде чем Кира успела как-то среагировать, Светлана уже вцепилась в книгу и распахнула ее на тех страницах, меж которых лежал кленовый листок.

– Тихон, – громко прочитала приятельница. Кира вдруг вспыхнула, словно школьница, у которой соседка по парте случайно подглядела выведенное в задумчивости имя понравившегося мальчика. Сверкнув на Светлану глазами, она выхватила из ее рук книгу и положила рядом с собой.

– Мм... Я думала, ты читала характеристику своего имени. Киры, – то ли обиженно, то ли оправдываясь, пробормотала приятельница.

– Нет. Мне все равно, что оно означает.

– Ну как же так? Как так – все равно? Ведь ты же выбрала себе это имя!

– Оно временное. Как эта пижама, – кивнула на свое больничное одеяние Кира. – Ненастоящее. Так что... мне и правда все равно.

– А Тихон? Ты читала про это имя. Что-то вспомнила? Оно тебе кого-то напомнило?

– Нет, – сказала Кира, и та поспешность, с которой она ответила, только подкинула дров в костер любопытства Светланы. Приятельница откинула упавшую на глаза обесцвеченную челку, контрастирующую с угольно-черными бровями, и требовательно уставилась на Киру. «Ну-ну, так я тебе и поверила!» – читалось в ее взгляде. Но Кира сделала вид, что не заметила ожиданий Светланы, и, взяв в руки книгу, поднялась.

– Илья Зурабович просил зайти меня за полчаса до обеда. Не знаешь, который час? – кивнула она на наручные часики приятельницы, выглянувшие из-под манжета спортивной куртки.

– Половина первого, – ответила Светлана, не скрывая разочарования в голосе. И все же не удержалась от упрека: – Зря ты мне рассказать не хочешь. Вроде я тебе не чужая. Помогаю ведь.

– Нечего рассказывать, Света, – мягко ответила Кира, прежде чем уйти.

– Ну да, как бы не так! Я же видела, как ты сидела с книгой на коленях и о чем-то думала. Вернее, о ком-то. О том, чье имя прочитала? Об этом Тихоне?

– Я не знаю, кто такой Тихон. Правда. Мне просто показалось, что я могла быть знакома с человеком, которого бы так звали. И все.

– Ой, а вдруг это твой муж? Или парень? – оживилась Светлана, не обращая внимания на предостерегающе поднятые брови приятельницы. – Ищет тебя, ищет – и не может найти! Ой, у меня идея! А что, если мы его сами поищем? В социальных сетях. Посмотрим фотографии и...

– И сколько же там, в соцсетях, может быть Тихонов, а? – насмешливо спросила Кира. – Явно не пять, и даже не десять. Света, оставь. Я правда не знаю, был ли у меня знакомый с таким именем или просто... показалось.

– Если показалось, то это не просто, – не отставала Светлана, сама не зная того, что почти повторила фразу доктора.

– Света, Илья Зурабович меня уже минут пять как ждет. Я пойду. Встретимся на обеде.

Невинная ложь – удобный предлог, на который, как на трость, можно опереться, если попытки остаться в одиночестве или сохранить при себе едва пойманный и тут же ускользнувший проблеск воспоминания захромали на обе ноги. И пусть Илья Зурабович не назначал ей никакой встречи, он рад ее видеть у себя в кабинете в любое время, особенно если Кира готова принести ему новые крохи сведений о себе. Только бы он оказался на месте. Кире сейчас почему-то как никогда нужно было оказаться в его обществе – донести до его кабинета кислотой разъедающую душу тоску. Будто она и правда знала кого-то, кого звали этим тихим именем. И будто этот кто-то ей был очень дорог.

Когда она стучала в кабинет, ее сердце, казалось, звучало громче. Обивка двери глушила звуки вместо того, чтобы транслировать их на весь коридор. Будто так было задумано специально для тех, кто желал сохранить в секрете свои визиты к доктору.

– Проходи, проходи, – пригласил Илья Зурабович, когда она робко заглянула в кабинет. Но на этот раз в бархатном голосе доктора не было радости, с какой он обычно встречал свою необычную пациентку, голос казался тусклым, будто на бархате вытерлись ворсинки и обнажилась вылинявшая подкладка.

– Я не вовремя? – смутилась Кира, решив, что доктор озадачен свалившимися на него проблемами и рабочими задачами. Лучше извиниться и зайти позже.

– Нет-нет, ты всегда вовремя. Более того, я как раз думал с тобой поговорить. Как хорошо, что ты сама зашла.

– О чем поговорить? – спросила Кира, пристраиваясь на краешке предложенного стула и складывая руки поверх лежащей на коленях книги.

– О ком. Как всегда – о тебе.

Доктор поднялся и, сделав по кабинету круг, остановился возле шкафа и задумчиво перебрал взглядом содержимое стеклянной витрины: фарфоровые статуэтки, декоративные тарелки и несколько картинок в рамках. Кира молча смотрела на чуть согнутую, будто в легком поклоне, спину Ильи Зурабовича и широкие плечи, которые медицинский халат обтягивал так туго, будто наволочка подушку.

– Я ведь виноват перед тобой, девочка, – сказал, наконец решившись, Илья Зурабович и резко обернулся. Подошел, гулко впечатав в паркет каждый шаг, но не опустился в свое рабочее кресло, а присел на угол стола, развернувшись к Кире в полуобороте.

– Помнишь, когда ты к нам поступила, мы провели тебе полное обследование? В том числе ты должна была посетить и... мм... женского врача?

Кира молча кивнула, еще не понимая, куда клонит доктор.

– Так вот, об одной важной вещи я тебе не сказал. О том, что написала в заключении гинеколог. Скрыл, решил, что в тот момент тебе это не нужно было знать. Ну чтобы... понимаешь... не вызвать испуга. Шока, кхм... Хотя, может, шок как раз и пробудит какие-то воспоминания.

– О чем вы, доктор? – резко перебила его смущенное покашливание Кира и вцепилась в книгу до побелевших на пальцах суставов.

– О том, милая моя девочка, что гинеколог в анамнезе написала «рожавшая женщина».

– Рожавшая? – переспросила Кира. Слова доктора долетели до нее будто издали, словно Илья Зурабович вышел из кабинета, но продолжал с ней разговаривать из коридора. Что-то в ней противилось этим словам, выставляя на их пути препятствия, глушащие их, не позволяющие смыслу коснуться сознания и разбудить память.

– И... это значит, что у меня был ребенок?

– Да, это значит, что ты естественным путем когда-то родила ребенка.

– И где же он? – спросила Кира и тут же смутилась от глупости вопроса. Если для нее самой стало таким потрясением то, что у нее был ребенок, откуда же доктору знать, где он находится.

– Не знаю, девочка моя. Прости, мне, наверное, не нужно было скрывать изначально от тебя такую важную информацию. Но учитывая то, в каком состоянии мы тебя нашли, какая ты была слабая, я решил повременить с такими сведениями.

Кира помотала головой, словно желая упорядочить и успокоить мысли, загудевшие рас- тревоженным пчелиным роем. Поздно. Мысли-пчелки уже жалили ее одна за другой, пуская в кровь не целебный, а медленно убивающий яд. У нее. Был. Ребенок. Или есть. Ребенок. Маль- чик. Или девочка.

– Кира? – тихо позвал ее Илья Зурабович.

– Меня зовут не Кира, – мотнула она головой.

– Знаю. Но не знаю, как к тебе по-другому обратиться.

– Я тоже не знаю.

– Сожалею, – развел он руками будто с сожалением, но в то же время словно желая заклю- чить ее в объятия.

– Это кошмар. Это настоящий кошмар! Мало того что не знаю, кто я, откуда, как меня зовут. Так еще напрочь забыла своего собственного ребенка! Сколько ему лет? Кто это – маль- чик или девочка? И как его или ее, черт возьми, зовут! – закричала она и замолчала. Оборвала себя на полуслове так резко, будто с разбегу наткнулась на стену и расшиблась. Расшиблась о внезапное понимание, от которого руки, сжимающие книгу, дернулись, а пальцы разжались, выпуская переплет. Томик свалился на пол с громким стуком, от которого вздрогнули оба – и Кира, и Илья Зурабович. Но, странно, этот звук привел ее в чувство, загнал гудящих пчелок в ловушку.

– Кира? – вновь тихо окликнул ее доктор. – Ты ведь тоже что-то хотела мне рассказать? Что-то ведь вспомнила?

– Нет, Илья Зурабович. Я... просто хотела вернуть вам книгу, – нашлась она.

Кира подняла с пола томик, аккуратно, будто извиняясь за причиненный шум, положила его на стол и попрощалась.

– Ну, как знаешь, – развел руками доктор, тоже, как и Светлана, не поверивший в ее отговорку. Но настаивать не стал, позволил ей уйти – пережить и принять известие.

Глава 3

Эля

Она сидела на краешке офисного стула для клиентов, зажав дрожащие ладони коленями, и напряженно, едва не молясь на него, глядела на гладкий лоб молодой девушки за компьютером. Похоже, волнение Эли передалось сотруднице агентства, потому что та вдруг нахмурила лоб и подалась корпусом к монитору, вглядываясь в него так сосредоточенно, будто ее взгляд мог обратить найденную информацию в желаемую. Эля, сидевшая напротив девушки, тоже невольно наклонилась к столу и сильнее сжала коленями руки. Шрам на ладони вновь зазудел, как всегда бывало, когда она нервничала. Эля поскребла его пальцами другой руки и на секунду окунулась, как в вонючую болотную жижу, в воспоминание: она, раскинув руки будто крылья, пятится назад, прикрывая собой детскую кроватку, словно птица – гнездо с птенцами. Ее голос уже сел от криков и рыданий, и мольбы вырываются сиплым шепотом, отчего звучат страшнее, безысходнее. Но в ответ доносятся лишь грязные ругательства, которые давно выжгли в ее душе дыру. Она пятится от того, кто наступает на нее с ножом, до тех пор, пока не упирается спиной в жесткую спинку кроватки. Спящий ребенок внезапно просыпается, Эля чувствует это сердцем, а не потому, что тот закричал: ее малыш, такой же забитый и испуганный, как и она, уже давно научился отвечать на страхи не криком, а затравленным молчанием. Эля инстинктивно взмахивает руками, словно пытается накрыть ими кроватку, и в это же мгновение сильные пальцы хватают ее за горло и отбрасывают в сторону. Она с криком падает на пол, больно ударившись о него подбородком, но тут же вскакивает на ноги и разъяренной птицей налетает на обидчика. Она бьет его, лупит руками-крыльями, уже не сипит, а клокочет и не мольбы, а угрозы. Он отбивается от нее одной рукой, зажав в другой нож, растерявшись от ее внезапной ярости, взрывом вырвавшейся на волю. Но вскоре приходит в себя и замахивается ножом. Эля опережает уже опускающуюся смертоносную руку на доли секунд, хватается за лезвие и отводит его в сторону. А затем с силой, на которую, казалось, не была способна, отталкивает обидчика и выхватывает из кроватки ребенка...

На ее ладони навсегда остался напоминающий о том страшном дне глубокий шрам, который начинал зудеть в моменты нервного напряжения. Эля вновь потеряла его и громко перевела дух, приходя в себя после воспоминания, так не вовремя обрушившегося на нее.

– Нет, пока ничего нет, – разочарованно вздохнула девушка-агент. – Но может, в следующем месяце...

Эля выпрямилась и сложила внезапно обмякшие руки на коленях.

– Мне нужно в этом. Сегодня. Срочно, – проговорила она, поднимая на девушку такой умоляющий взгляд, словно та могла совершить чудо – вытащить из рукава, как припрятанный козырь, адрес сдаваемой по приемлемой цене квартиры или хотя бы комнаты.

– Увы, ничем не могу помочь. Мне очень жаль, – развела руками агент. – Оставьте ваш телефон, и я вам перезвоню, как только что-то появится.

Эля продиктовала номер и поднялась, чувствуя себя враз состарившейся: сердце билось в неприятно рваном ритме, в ушах стучала кровь, а слабость навалилась такая, словно на ноги надели кандалы. Груз обрушившихся на нее проблем придавил плечи, и Эля вышла из офиса агентства, сутулясь и едва ли не шаркая ногами, как старуха, чью спину согнул опыт прожитых десятилетий. Сын выскользнул за ней тихо, как мышонок, и только уже в коридоре робко взял ее за руку и совсем как взрослый в ободряющем жесте чуть сжал ей пальцы. Эля едва не расплакалась. Это был конец. За три дня они с Тихоном успели обойти все агентства города, и ни в одном им не смогли помочь. Квартиры если и были, то по такой цене, что она не могла себе

их позволить. И так спасибо Ане, которая в тот злополучный проблемный день перезвонила ей сразу после ошибившегося номером мужчины, напугавшего ее в первый момент до полу-смерти, и выслала из-за границы денег на первое время.

Эля достала телефон и отправила подруге краткое сообщение, в котором написала о последней неудаче. Ответ не замедлил прийти, будто Аня сидела где-то там, в солнечной Испании, в тени тревог с телефоном в руке и ожидала от нее вестей. «Не дрейфь! Завтра прилетаю. Что-нибудь придумаем». Эля вздохнула: что тут можно придумать? Как вариант – искать жилье в других городах, а на какое-то время поселиться у Ани (подруга сама предложила им с Тихоном кров). Похоже, придется принять этот вариант, хоть он не считался безопасным. Да и подругу, несмотря на ее доброту, стеснять не хотелось.

– Мама, можно, я тут поиграю? – Вопрос Тихона выдернул ее из топи нерадостных размышлений. Они как раз проходили мимо детской площадки, расположенной в центре парка, подобно сердцевинке цветка, от которой во все стороны расходились асфальтированные лепестки-дорожки. Что им делать, куда податься, Эля еще не решила, поэтому молча кивнула, и Тихон с радостным криком бросился штурмовать горки и лесенки. Девушка присела на одну из лавочек и достала мобильный телефон, намереваясь поискать в ближайших городках агентства недвижимости и сделать запросы. Но связь с Интернетом в этом месте оказалась плохая. Может, нарочно, чтобы матери следили за своими гуляющими детьми, а не увязали в опасной мировой Паутине. Или чтобы хоть на какое-то время отвлеклись от повседневных забот и, подняв глаза от земли, полюбовались художественными росчерками белых облаков на синем полотне неба, нарядившимися в благородную позолоту липами и вдохнули полной грудью посвежевшего к концу августа воздуха. Едва Эля убрала телефон, как из-за облака, будто по заказу, выглянуло солнце. Неуловимый блик скользнул по ее раскрытой ладони, поцеловав все еще зудевший шрам, и свернулся у ног светлым пятном как одомашненный зверек. И этот солнечный зайчик вызвал у нее воспоминания шестилетней давности о последнем летнем дне, такие, какими они оставались недолго: чистые, светлые, еще не вымокшие в слезах и крови, не пропитавшиеся удушающей гарью страхов.

...Тот день тоже выдался солнечным, словно лето напоследок решило щедро одарить сэкономленным за дождливые месяцы теплом. Синее небо так же, как и сегодня, расчеркивали штрихи белых облаков, и это художественное сочетание синего и белого напоминало Эле гжельскую роспись. Легкий ветер перебирал, словно украшения в шкатулке, позолоченные верхушки деревьев. И в теплом воздухе обоняние уже улавливало горьковатые нотки осеннего аромата.

Эля раскладывала по папкам учебный материал, с улыбкой представляя себе новых учеников. Их было двенадцать, ровно столько, сколько мест. И это обстоятельство – что все места на курс испанского были заняты – ее несказанно радовало: преподавателем в школе языков она была новым, пришла в апреле на место ушедшей в декрет учительницы, довела предыдущий курс, приняла экзамен, а на новый учебный год ей дали вести занятия у новичков. Эля опасалась, что те, кто придет записываться на курс, узнают, что вести уроки будет недавняя выпускница иняза с маленьким опытом работы, и в сомнениях отступятся. Но нет, ее страхи не оправдались: набор оказался полным. Двенадцать учеников: восемь девушек и четверо мужчин. Эля уже изучила их анкеты, чтобы иметь представление, с кем ей придется иметь дело, и теперь с волнением ожидала понедельника – первого дня занятий. Раскладывая по папкам материал, она мысленно представляла себе каждую анкету нового ученика. Вот эта папка будет для Марины Силовой, вот эта достанется Наталье Шепотовой, а вот эта, может быть, самому старшему в группе (сорок четыре года) Петру Алексееву.

Школа языков арендовала весь первый этаж в двухподъездной пятиэтажке, окна кабинета Эли выходили на улицу, а не во внутренний двор, и в форточку беззастенчиво, как орава расхулиганившихся ребятишек, то и дело врываются посторонние шумы: шуршание автомо-

бильных шин по асфальту и гудение работающих моторов, шарканье ног прохожих, обрывки их разговоров, пару раз – чей-то смех и однажды – рокот промчавшегося байка. Напротив через дорогу располагалось здание коммерческого техникума, и во время перемен у его дверей бывало многолюдно: молодые люди и девушки выходили покурить, пролистывали конспекты, обменивались новостями, громко смеялись. Но сейчас двор пустовал. Лишь изредка его пересекал кто-нибудь из персонала, входил в здание и с громким стуком закрывал за собой дверь.

Закончив раскладывать материал, Эля сложила папки в аккуратную стопку на краю стола и тронула кнопку маленького электрического чайника. Время сделать небольшую паузу. Ожидая, пока закипит вода, она достала из ящика стола чашку, начатую коробочку клюквенной пастилы и присела на стул у окна. И в это время заметила заглядывающего с улицы прямо ей в окно молодого мужчину. От неожиданности Эля вскрикнула, чем не столько смутила, сколько развеселила незнакомца. Он улыбнулся ей широкой улыбкой давнего знакомого и жестом попросил приоткрыть окно. Эля, повинувшись не столько любопытству, сколько белозубой улыбке мужчины и веселому взгляду его зелено-карих глаз, дернула тугой шпингалет и приоткрыла раму.

– Девушка, скажите, это школа языков? – спросил незнакомец, хоть вывеску наверняка видел. Эля кивнула, на что мужчина обрадованно выдохнул: – Ну наконец-то! А то я заплутал.

– Вы записаться хотите?

– Да.

– Так заходите, – рассмеялась Эля, потому что мужчина продолжал топтаться перед ее окном словно перед окном регистрации.

– А вы секретарь?

– Нет, я преподаватель, – ответила она, и в ее голосе невольно просквозила гордость. Да, ей было чем гордиться: она, дочь простых работающих провинциалов, с первого раза поступила в столичный университет на иняз, куда конкурс был высоким, окончила учебу с красным дипломом и устроилась на должность преподавателя испанского (а в перспективе и французского) языка в элитную школу языков.

– Ой. Простите. Вы такая молоденькая и симпатичная, что я подумал...

– А что, преподаватели обязательно должны быть пожилыми и некрасивыми? – улыбнулась Эля. Этот молодой мужчина ей нравился, и она невольно, настроившись на его волну легкого флирта, ответила ему тем же. Впрочем, будь с ней рядом любая из ее незамужних сокурсниц, наверняка бы тоже не удержалась от кокетства. Мужчина был хорош собой: брюнет с зелено-карими глазами и тонкими чертами лица. Скроенный по его фигуре деловой костюм светло-серого цвета, дорогие часы на запястье и кожаная папка под мышкой выдавали в нем человека состоятельного. Порыв ветра словно приманку швырнул в приоткрытое окно запах дорогого парфюма, и Эля всерьез пожалела, что одета сегодня так просто: в синие джинсы и белую блузку, а на лице из косметики лишь пудра и немного румян, даже глаза не накрасила и волосы завязала в обычный хвост.

– И какого языка вы преподаватель? – спросил все так же через окно незнакомец.

– Испанского.

– Я вообще-то шел записываться на английский... – задумчиво протянул он.

– На английский еще есть пара мест, – поскутчала Эля.

– А на испанский?

– А на испанский уже нет.

– Жаль, – на это раз уже огорчился – притворно или по-настоящему – мужчина. – Если такой романтичный язык, как испанский, ведет такая красивая учительница, я бы записался на ваш курс. Но раз так... Что ж, английский – значит, английский.

– Увы, – развела Эля руками, с огорчением понимая, что единственный повод, который мог бы дать благодатную почву для продолжения знакомства, лопнул мыльным пузырем.

А мужчина, спохватившись, торопливо глянул на наручные часы и нахмурился.

– Опаздываю! – вздохнул он. И уже тоном, лишенным легкомысленных ноток флирта, спросил: – Так где можно узнать про курсы английского?

– В секретариате. Вторая дверь налево.

– Налево так налево, – усмехнулся мужчина. – Хотя мне больше нравится направо. И, кстати, клюквенную пастилу я тоже люблю. Приятного аппетита! И спасибо за помощь.

Надо же, успел разглядеть на ее столе коробку и чашку! Эля отчего-то смутилась. А мужчина тем временем уже шагнул в темный предбанник школы, в коридоре раздались его шаги, которые замерли вовсе не возле ее кабинета, и затем – деликатный стук в дверь секретариата. Эля с тоской подумала, что секретарь Алена тоже молодая и симпатичная – и, кажется, одинокая. И что сейчас этот мужчина будет одаривать комплиментами Алену, а та, очарованная им, щебетать и подыскивать ему удобное расписание, бросать на него заинтересованные взгляды из-под густо накрашенных ресниц, демонстрировать как бы невзначай длинные стройные ноги. Отчего-то в эту минуту Эля люто возненавидела и эффектную секретаршу, к которой всегда относилась с симпатией, и этого незнакомца. Пусть хоть на минуту, но возненавидела. От заретушировавшего черным ей сердце чувства ее избавила боль: задумавшись о том, что может происходить в кабинете секретаря, Эля неосторожно пролила кипяток из чайника мимо чашки, брызнув им себе на руку. Зашипев от боли, она, как кошка лапой, затрясла ладонью, а потом по-детски лизнула больное место. И в этот момент увидела в окно с улыбкой наблюдающего за ней незнакомца. И когда успел?! Она вновь смутилась. А он уже отсалютовал ей на прощание папкой и, к ее огорчению, ушел. А спустя три дня они вновь встретились. Мужчина после своего первого занятия английским дождался в коридоре, когда у Эли закончатся уроки. И преподнес ей коробку клюквенной пастилы на глазах у ревниво стрельнувшей взглядом в его сторону секретарши. А затем пригласил Элю прогуляться по вечерней Москве. И она пошла за ним – незнакомцем, о котором знала только то, что его зовут Сергей и что он тоже, как и она, любит пастилу. Но пригласи он ее хоть пойти за ним пешком до Сибири – и она бы с радостью согласилась. Его обаяние опутало ее невидимой сетью еще с первых секунд общения с ним. Это уже позже Эля поняла, что у такого обаяния может быть только дьявольская природа. Но тогда... Тогда они пробродили по Москве почти всю ночь. Несмотря на то, что утром Сергею нужно было в офис. Несмотря на то, что туфли Эли на высоком каблучке вовсе не были предназначены для подобных прогулок. Они шли, не разбирая маршрута, часы напролет, которые проносились как мгновения. То выныривали из узких, плохо освещенных улочек на широкие проспекты, то опять пропадали в безлюдных закоулках. Иногда они заходили в попадающиеся на их пути кафе выпить горячего чая. А затем выходили и оказывались, к своему удивлению, то на набережной, то совершенно в противоположной стороне от того места, куда пытались попасть, словно кафе были порталами, отправляющими их в разные районы столицы на свое усмотрение. Та ночь стала поистине волшебной не только в плане неожиданных маршрутов, но и потому, что между ними зарождалась магия. Рассвет они встретили на Кузнецком Мосту, гудящем даже в этот час от пронесившихся по нему машин, и, стоя над черной водой реки, впервые поцеловались.

Их роман развивался стремительно и заполнил собой полностью жизнь Эли. Даже когда ей вдруг отказали от места преподавателя, потому что директриса решила взять вместо нее свою племянницу, Эля приняла это событие стоически. Сергей уверил ее, что потеря работы – не конец света. И что он в состоянии обеспечить ее, Эле даже нет необходимости искать новую. А три месяца спустя девушка увидела на тесте две полоски и поначалу растерялась. Тот день стал для нее знаменательным не только из-за той новости, но и потому, что ей поступило предложение от испанской компании, налаживающей поставки медицинского оборудования в Россию. Но искали сотрудника не для российского представительства, а в головной офис. Обещали высокую зарплату, хороший социальный пакет и помощь в оформлении документов.

Испания была страной ее мечты. И в другой ситуации Эля не отказалась бы от такого предложения, но в этой с ней уже был Сергей и тот, кто свое невидимое пока присутствие обозначил двумя красными полосками. И она, понимая, что второго подобного предложения у нее уже не будет, скрепя сердце написала отказ потенциальному работодателю. А через месяц вышла замуж за Сергея.

С тех пор, не раз оглядываясь на тот день-перекресток, она часто задавала себе вопрос, что случилось бы, поступи она по-другому. Вполне возможно, что жизнь ее была бы куда счастливей и уж точно – спокойней. Но тогда с нею не было бы Тихона.

Погрузившись в воспоминания, Эля не сразу заметила старика в инвалидной коляске, который остановился рядом с ее лавочкой. Как долго он находился здесь, тоже наблюдая за бегающим с одной горки на другую Тихоном, Эля не поняла. Просто внезапно ощутила чужое присутствие и почувствовала себя неловко.

– Это ваш мальчик? – внезапно спросил ее старик, поворачивая к ней худое лицо с обвисшими, как у бассета, щеками.

– Мой, – без всякой охоты ответила девушка. Разговаривать не хотелось. Но старик, наоборот, желал общения:

– Сколько ему? Лет пять?

– Угу. Пять.

– Моему младшему внуку столько же. Хороший возраст. Когда ребенок одной рукой еще держится за материнскую юбку, но другой уже открывает себе дверь в самостоятельность. Вы понимаете, о чем я...

– Да, – согласилась Эля.

– Наслаждайтесь им – вашим сыном. Наслаждайтесь, пока он полностью не сбежал от вас во взрослую жизнь, – вздохнул со знанием дела старик. И Эле внезапно стало его жаль. Она развернулась к своему собеседнику в полуобороте и поймала его благодарную улыбку. При этом улыбка отразилась не только в водянистых глазах старика, но и в каждой морщинке темного, в пигментных пятнах лица. Сухие, похожие на птичьи лапки руки пожилого мужчины скомкали ткань клетчатого пледа, укрывающего его колени, и тут же аккуратно, каким-то женским движением, разгладили складки.

– Боюсь, я тебе помешал, – повинился с опозданием старик, внезапно переходя на «ты», словно приглашая девушку к доверительной беседе.

– Нет, – мотнула головой Эля, но не улыбнулась.

– Я один из тех докучливых стариков, для которых редкая возможность поболтать с кем-то в парке – великая радость. Целыми днями нахожусь дома, дети выросли и разбежались кто куда. Вот только иногда, раз в пару месяцев, привозят ко мне моих внуков. Побудут полдня и опять уезжают. Но я их понимаю, – вздохнул он. – И уже за это счастье – раз в пару месяцев слышать в стенах моей безмолвной квартиры детский топот и смех – готов простить им что угодно.

– И остальное время вы совершенно один? – ужаснулась Эля и невольно скользнула взглядом по большому колесу коляски.

– Нет, что ты! Ко мне соседка-медсестра приходит. Душевная женщина. Да дети помощницу наняли. Машеньку. Только вот Машенька выходит замуж и завтра уже не придет ко мне. А новую помощницу пока не нашли. Так что придется пока самому.

– Но как же так...

– А вот так. Это уже все мелочи жизни, деточка. Да, мелочи. Сколько мне там осталось... Вся жизнь-то уже за плечами. И столько там трудностей было, что остаться сейчас одному в этом танке, – он засмеялся и хлопнул ладонью по колесу коляски, – в четырех стенах – не такая уж беда. А вот у тебя, деточка, что-то случилось куда серьезней моей «беда». Так ведь?

От его пронзительного, может, даже бесцеремонного своей настойчивостью взгляда Эля невольно опустила глаза и кивнула, хоть и не собиралась делиться с первым встречным проблемами.

– Я так и подумал. Уж прости, я, пока ты не видела, немного понаблюдал за тобой. И понял твои настроения, которыми ты, может, и не желала делиться. Получается, украл. Но я просто очень люблю «читать» лица незнакомых людей. Я скучающий старик – что мне еще остается делать? Только рассматривать лица на прогулке и угадывать по ним настроения. Такое у меня развлечение.

– И что же вы прочитали по моему лицу? – заинтересовалась Эля. Тихон в это время скатился с очередной горки и побежал к качелям, совершенно позабыв о матери и их проблемном утре. Счастье детства в том и состоит, что можно легко, как воду с ладони, стряхнуть неприятности и полностью отдаться новой игре.

– А то и прочитал, что у тебя сейчас трудности. Ты смотрела на сына, но при этом была будто погружена в себя, в свои, осмелюсь предположить, воспоминания. И были они очень радостными, потому что твое лицо излучало свет, словно по нему скользили солнечные зайчики. Но вот ты вынырнула из воспоминаний так внезапно, будто тебя разбудили, и твое лицо тут же заволокли тучи. Еще чуть-чуть – и заплакала бы. А когда я тебя отвлек, на твоём лице отразилось не недовольство, а страх.

– Прямо-таки уж страх, – натянуто засмеялась Эля, пытаясь шуткой скрыть свое потрясение от пронизательности старика.

– Да, страх, – припечатал он. – Но мелькнул он лишь на долю секунды. Кто-нибудь сторонний и не заметил бы, но я поймал его за скользкий хвост, потому что не просто наблюдал за тобой, а читал тебя. Вот и заметил страх, притаившийся в уголках твоих глаз. Не меня ты испугалась, а внезапного обращения к себе на улице. Из чего могу сделать вывод, что ты кого-то боишься и одновременно ожидаешь его появления. А по тому, как ты ссутулилась и обняла себя руками, закрываясь, осмелюсь предположить, что ты мечтаешь спрятаться, сделаться невидимой, неслышимой. Исчезнуть. А исчезнуть тебе вон он не дает.

Старик кивнул на раскачивающегося на качелях Тихона и вновь перевел взгляд на Элю.

– Опасный вы человек, – сказала девушка серьезно после долгой, вызванной потрясением паузы. Ей внезапно захотелось встать, позвать сына и уйти торопливо, не оглядываясь, если ее окликнут.

– Не опасный, – возразил старик с доброй улыбкой Санта-Клауса. – Все свои домыслы я оставляю при себе. Не удержался вот только сейчас от искушения проверить догадки. Просто подумал: а вдруг смогу помочь?

– Как вы мне можете помочь? – не сдержала горькой усмешки Эля.

– Как – это уже мои заботы. Так что у тебя случилось? Что случилось *сейчас*?

Выделил ли он голосом последнее слово, намекая на то, что не собирается касаться всей ситуации в общем, а лишь только ее части, или Эле просто так показалось? Может, он умеет читать мысли, заглядывать в воспоминания? Да нет, бред, конечно. Если бы мог, то не просил бы рассказать, и так бы знал.

– Я осталась без квартиры, – вздохнула девушка. – И не могу найти другую. А через сутки должна съехать с этой. Вот что случилось.

– А друзья у тебя есть? Понятно, не смотри на меня так... волком. Верю, что есть, но не могут помочь. Ох, девка!

Старик пожевал губами, задумчиво посмотрел на небо, а затем опять повернул к Эле морщинистое дряблкое лицо, и опять каждая его морщинка осветилась улыбкой:

– Иногда так случается, что близкий человек помочь не может, а вот совершенно посторонний – да. Так случается... Вот что тебе скажу: собирай свои и сына вещи и переезжай ко мне. Я живу один в трехкомнатной квартире. Тсс! Дай договорить! По глазам вижу, что соби-

раешься отказаться. Я не просто так тебе предлагаю жить. Как я уже сказал, моя Машенька завтра уходит. Вот совпали же мы с тобой в наших бедах! Не просто так пересеклись. Тебе нужно жилье, а мне – помощница.

– Но у меня даже нет медицинского образования! И я... не умею! Я никогда не работала сиделкой.

Старик вдруг рассмеялся – молодо, звонко, словно в его некрасивое, разрушенное жизнью и болезнями тело был заключен молодой дух.

– Тебе не придется заниматься неприятными для тебя процедурами. Для этого ко мне медсестра приходит. Она меня и купает, и уколы делает, и переодевает. Мне нужна помощница, компаньонка, а не сиделка. Тебе только нужно будет гулять со мной, иногда убрать в квартире, сходить на рынок за продуктами да приготовить обед. Я ем немного, просто, но самому готовить сложно. Ну и иногда по вечерам буду просить тебя почаевничать со мной и поговорить, почитать мне вслух – я это люблю. И все. За это вы с сыном можете жить в свободной комнате. Она большая и удобная. И еще я тебе платить буду. Немного, скорее символически. Но обеспечу жильем и питанием. Подумай. Сейчас за мной Машенька приедет. И если согласишься, я вас познакомлю.

– Как вы можете предлагать мне, первой встречной, поселиться у вас в квартире? – высказала свои сомнения Эля, уже понимая, что другой помощи ей ждать неоткуда. – А вдруг я мошенница? Охотница за чужими квартирами?

Старик перебил ее смехом. Смеялся он долго, до слез, и только когда уже отсмеялся, вытер ладонью слезящиеся глаза и произнес:

– Девонька, я разве тебе не продемонстрировал, что более-менее разбираюсь в людях? Да и у тебя ситуация, думаю, такая, что тебе где-то надо тихо отсидеться, спрятаться самой и спрятать сына. И не отсвечивать, как говорится. До охоты ли тебе на квартиры бедных стариков? Или я не прав?

– Правы, – тихо ответила Эля. – Ну а если я преступница и именно поэтому, как вы сказали, скрываюсь? Может, я совершила что-то очень плохое, серьезное?

– А это так? – спросил вдруг старик. Девушка подняла на него глаза и на этот раз смогла выдержать его, казалось бы, проникающий в самую душу взгляд.

– Нет, – улыбнулась она.

– Я тоже так думаю, – улыбнулся старик в ответ. – Ну так что, знакомить тебя с Машенькой?

Эля кивнула и позвала Тихона.

Нора

Магазин был закрыт. За опущенной решетчатой ставней безжизненно чернело пустотой окно, а на самой ставне висело объявление о том, что магазин откроется второго сентября. Но Нора другого и не ожидала, поэтому прошла мимо темной зарешеченной витрины и остановилась перед массивной высокой дверью двухэтажного дома. Ряд каменных, выстроенных на века еще в конце позапрошлого столетия домов разных цветов и высоты, но с общими боковыми стенами образовывал эту улочку, названную Балконной из-за маленьких разномастных балкончиков, украшенных все как один живыми цветами. С одной стороны улица рапирой понижывала небольшую дорогу, с противоположной – заканчивалась круглым земляным пяточком-гардой, на котором скучились в теневой оазис похожие на гигантские брокколи местные сосны. На одном из балконов кто-то невидимый мучил гитару, и неуверенная и спотыкающаяся, как походка пьяного, мелодия терзала утомленную жарой улицу.

Звонка на двери не было. Девушка стукнула дважды толстым чугунным кольцом, служившим и дверным молотком, и ручкой, а затем потянула за него дверь на себя. Та открылась со знакомым скрипом, который наполнил душу радостью и предвкушением предстоящей встречи: хозяйка, когда находилась дома, никогда не запиралась. В предбаннике было прохладно и немного пахло сыростью, но Нора уже знала, что этот неприятный запах, как и холод, обманчив. Стоит только зайти за вторую дверь, за стеклом которой виднелась квадратная гостиная со старинным диваном, двумя креслами и темным журнальным столиком на толстых выгнутых ножках, – и окажешься в самом уютном на свете жилище. Этот дом служил лучшей визитной карточкой таланта его хозяйки. Нора мельком заглянула через стекло в гостиную и, следуя за интуицией, приоткрыла другую дверь, ведущую из предбанника в подсобное помещение, служащее и складом, и мастерской. Она не ошиблась: резкий запах лака и скрежещущий звук, будто что-то зашкуривали, известили ее о присутствии тут хозяйки.

– Рут! – позвала Нора. – Привет!

Звук, издаваемый наждачной бумагой, оборвался, но взамен раздалось какое-то шуршание, словно в кипе старых газет завозилась, устраивая гнездо, крупная мышь, и затем последовал радостный вскрик:

– Нора!

Из глубины помещения показалась сама хозяйка, одетая в перепачканный краской, как у маляров, джинсовый комбинезон поверх растянутой вылинявшей футболки. Руки в медицинских перчатках девушка держала на весу, словно хирург перед операцией.

– Не могу обнять, руки в пыли! – задорно прокричала Рут, но все же, стараясь не коснуться ее руками, потянулась к гостье с поцелуями. Расцеловавшись, молодая женщина отступила на пару шагов и окинула Нору восхищенным взглядом: – Как всегда – красавица! Сколько же мы не виделись? Месяц?

– Полтора.

– Полтора, – вздохнула Рут и снова улыбнулась, чем вызывала у Норы приступ щемящей радости. Как же, оказывается, она соскучилась по подруге! По ее широкой улыбке, по запахам лака, дерева и резинового клея, всегда сопровождавшим ее шлейфом будто дорогие духи. По ее комбинезонам, перепачканным разноцветными пятнами и с проеденными растворителем дырками. По ее волосам, жестким и мелко вьющимся, которые так знакомо дыбились над повязанной надо лбом зеленой косынкой ржавыми пружинками. Нора не раз думала о том, что если все эти теории о родственных душах правда, то они с Рут не иначе как души-близнецы. Помнится, когда Нора впервые переступила порог магазина в поисках журнального столика и из-за прилавка к ней вышла Рут, одетая в чистые джинсы и цветную рубаху, с торчащими над яркой повязкой и раскачивающимся в такт ее шагам волосами-пружинками, что-то в тот момент про-

изошло. Что-то, подобное тому радостному шоку, который испытываешь при неожиданной встрече с родным и близким человеком, связь с которым давно утрачена, но душа продолжает ныть и тосковать по нему. Нора даже забыла, зачем зашла в магазин. Но Рут и без слов поняла, что посетительнице нужно. И не успела Нора опомниться, как уже с интересом рассматривала не только выставленные на продажу столики, но и декоративные вешалки и мелкие украшения для дома. А вечером они, Рут и Нора, как заправские подруги пили в баре неподалеку кофе и болтали обо всем так легко, словно и не познакомились всего лишь утром того же дня.

– Когда ты приехала? – спросила Нора, но не стала признаваться, что проходила мимо магазина дважды в неделю, хоть и знала, что до сентября он будет закрыт.

– Вчера вечером, – ответила Рут, стягивая одна за другой перчатки.

Так странно у них повелось, что они общались ежедневно – если не лично, то в переписке, но только в августе, который Рут по традиции проводила на юге у родителей, общение между ними прекращалось, словно впадало в анабиоз. Нора не писала Рут, не желая отнимать у стариков-родителей радость общения с единственной дочерью. А Рут оказывалась так занята, что не находила для подруги минутки. Ее внимание в этот жаркий месяц всецело принадлежало родителям. Она была их поздним, долгожданным ребенком, которого лелеяли и пестовали как принцессу. И который, повзрослев, оторвался, словно лепесток от сердцевинки, и улетел, подхваченный ветром любви, из жаркой Мурсии в многоязычную суетливую Барселону следом за немногословным каталонским парнем. Но хоть прошло уже десять лет, родители так и не привыкли к отсутствию в доме дочери.

– Вечером приехала и уже работаешь?

– Видела бы ты, какой я комод раздобыла! Еле утра дождалась, чтобы приступить к работе.

– Приволокла его с собой из Мурсии? – усмехнулась Нора, ничуть не удивившись. Рут ездила не на легковом автомобиле, а в грузовом фургончике, чтобы иметь возможность самой перевозить понравившиеся ей предметы. Она часто разъезжала по распродажам, рынкам и крупным свалкам, отыскивая старую мебель и предметы обихода, в которые затем вдыхала новую жизнь. И каждому обновленному предмету затем находилось место в чужих домах. У Рут поистине был талант. Она не только умела отреставрировать старый растрескавшийся столик или комод, но могла фактически из мусора соорудить настоящее произведение искусства и определить его на место. Нора своими глазами видела, как найденная в лесу коряга однажды превратилась в оригинальную тумбу, а из толстой ветви и прикрученных к ней согнутых алюминиевых ложек вышла симпатичная вешалка для головных уборов и шарфиков. И такими вещами – созданными или отреставрированными своими руками – был наполнен магазин. Рут не торговала фабричными декоративными изделиями для дома. От кончиков ногтей до кончиков волос-пружинок она была творческим человеком. Рут также принимала заказы на декорирование домов и любила эту часть своей работы не меньше, чем поиск заготовок для будущих шедевров. Она только не любила стоять за прилавком, считая это потерей времени. Поэтому год назад наняла в качестве продавца молодого парнишку, отвергнув перед этим полтора десятка претендентов. И сложно было вообразить супругом такой творческой личности правильного и консервативного юриста, который тщательно, до синевы, бреется по утрам и чистит зубы ровно три минуты, как рекомендуют стоматологи. За кофе просматривает аккуратно разложенные по тонким папкам бумаги, которые хранит в безупречном кожаном портфеле. Носит белоснежные сорочки и костюмы и ездит в свою адвокатскую контору на отмытой до зеркального блеска «БМВ». Рут бы первая, скажи ей кто лет десять назад, за кого она выйдет замуж, презрительно сморщила усыпанный веснушками нос. Но что-то оказалось в этом застегнутом на все пуговицы Джорди такое, что покорило ее сразу и заставило выпорхнуть в двадцатилетнем возрасте из родительского гнезда и уехать в другой регион страны. И Нора догадывалась что именно – порядочность и надежность. Творческой личности нужен кто-то,

на кого можно опереться, к кому можно возвращаться из упоительных креативных полетов как на знакомый аэродром, кто бы иногда напоминал, что, помимо неба и облаков, существует и земля. Еще Джорди был умным, а Рут очень нравились умные начитанные мужчины. К тому же он не только не мешал супруге заниматься любимым делом, но и помогал ей, взяв на себя все юридические и финансовые ситуации, связанные с содержанием магазина.

– Пойдем, я покажу тебе комод! – Рут не ответила на вопрос, но подтверждения и не требовалось. Конечно, она привезла его с собой из Мурсии! Она притащила бы его из любой точки мира, если бы он понравился ей. «Влюбил» – как говорила Рут. Она обожала влюбляться в вещи.

– Каков, а? – с гордостью продемонстрировала подруга Норе колченогое нечто с ободраным боком и перекошенными ящиками. Гостья удержалась от скептического замечания, зная, что если подруга разглядела в этом, явно выброшенном кем-то на помойку, полуразвалившемся комоде «душу» (еще одно выражение Рут – «рассмотреть душу» в вещи), то вскоре он преобразится в ее талантливых руках в дорогой дизайнерский предмет обстановки.

– Представляешь, кто-то выкинул! – затарахтела Рут, вновь натягивая перчатки и беря в руки кусок наждачной бумаги. – Стоял у мусорного контейнера – сиротливый и неприкаянный, будто брошенный пес. Наверняка успел и под дождем помокнуть: древесина верхнего ящика разбухла, к сожалению. Но я это устраню. Знаешь, что я думаю сделать? Счищу вот всю эту черную краску. Это преступление – закрасить такой естественный рисунок и цвет! А затем покрою поверхность прозрачным лаком. Но совсем чуть-чуть, в один слой, для защиты. Чтобы и лака-то не было видно. Потом поменяю ручки, отремонтирую вон ту ножку. И ящики, конечно, ящики! С ними придется повозиться – разобрать, просушить и заново склеить. А еще я думаю...

– Рут, ты что-то слышала про улицу разбитых зеркал? – перебила подругу Нора, которой слушать про комод, может, и было бы интересно, если бы не тревога в душе, оставленная вчерашним письмом.

– Что? – Подруга оказалась погружена в свою «комодную» тему настолько глубоко, что не расслышала обращенного к ней вопроса. Нора терпеливо повторила.

– Улица разбитых зеркал. Странное какое-то название, – удивилась Рут. – Не слышала. Это что? Книга? Фильм?

– Ни то ни другое. Если честно, не знаю. Но за последние дни встретила эту фразу трижды. И... вот, посмотри.

Нора вытащила из сумочки сложенный пополам конверт и протянула его подруге.

– Что это? – Та осторожно коснулась краешка бумаги рукой в перчатке. А затем, решительно стянув перчатку, взяла конверт и вынула из него письмо.

– Прочитай.

– И? От кого это? – удивленно спросила Рут после того, как ознакомилась с содержанием.

– От кого – не знаю. Это мне подбросили в почтовый ящик, – вздохнула Нора и рассказала о тайном поклоннике, от которого во время отсутствия подруги стала получать письма.

– Мне это не нравится, – сказала Рут серьезно. Хоть Нора ожидала, что та рассмеется, пошутит, подколлет, наконец, насчет поклонника.

– Мне тоже.

– Похоже на письмо нездорового человека. А остальные? Остальные письма ты сохранила?

– Нет, – качнула головой Нора. – Выбросила.

– Гм... Может, зря?

– Может, и зря, – согласилась Нора. – Но об этом думать уже поздно.

– А кого-нибудь подозреваешь? Когда это началось? Месяц назад, говоришь?

– Наверное, чуть раньше. Но ты уже, похоже, уехала. Или еще была здесь, но мы не виделись.

– Пойдем выпьем кофе, – пригласила Рут. Ополоснула руки в рукомойнике рядом с рабочим столом и пригладила немного «пружинки». – Кажется, бар у Франциско уже открылся после каникул.

Располагалось кафе на соседней улице, и Рут во время рабочих пауз частенько пила там кофе, считая, что готовят его здесь лучше всех. Но Нора подозревала, что подруга любит это место не столько за вкусный кофе, сколько за интерьер и атмосферу домашнего уюта. Это было семейное кафе: хозяин Франциско рассчитывал клиентов и готовил кофе, его супруга хозяйничала на кухне, а взрослая дочь принимала и подавала заказы. Размерами кафе скорее напоминало небольшую комнату, количество мест в нем было сильно ограничено, но, несмотря на это, сидеть в нем за чашкой кофе или горячего шоколада можно было сколько угодно. Возле стены напротив двери располагалась небольшая стойка-витрина с выставленной под стеклом домашней выпечкой, середину занимал длинный стол с расставленными по его периметру стульями. И стол и стулья были старыми, выполненными из отполированного временем и локтями цельного дерева. На столешнице будто шрамы виднелись отметины, оставленные когда-то ножами, из лунок-дырок, словно из нор – мышки, выглядывали потемневшие шляпки гвоздей. Стулья были такими же темными, растрескавшимися, с отметками-шрамами и расслоившимися сколами, отполированные спинами спинки блестели, словно смазанные маслом. Вдоль стены тянулась длинная узкая лавка, и напротив нее стояли три круглых чугунных столика. Еще один деревянный стол, размерами поменьше центрального, располагался возле окна-витрины. На нем в качестве декоративной детали висели старые весы, похожие на те, которые Нора видела в детстве в овощном магазине. Стены украшали фотографии, иллюстрирующие жизнь в странах третьего мира. В одну из рамок кто-то вставил картон с наклейками, который в прошлой жизни был обычным фруктовым ящиком. Смысла этой «картины» Нора не понимала, но спросить у хозяина или хотя бы у Рут не решалась. И, наконец, под столом была задвинута корзина, в которую летом складывали свежие газеты, а в холодные дни – пледы для посетителей. Приятная деталь – пледы, увиденные Норой лишь в этом месте. Иногда она ходила в это кафе одна, без Рут: заходила после рабочего дня по дороге домой, если возвращалась вовремя, доставала из сумки недочитанную книгу и заказывала чашку горячего шоколада, к которой всегда бесплатно подавали маленький кусочек бисквита.

– Так кого-нибудь подозреваешь в авторстве этих писем? – повторила свой вопрос подруга после того, как дочь владельца поставила перед ними две чашки кофе с молоком.

– Даже не знаю. Это может быть кто угодно. Но, скорее всего, тот, кто живет либо в моем доме, либо в доме напротив. А подозреваю ли я кого-нибудь конкретного? Знаешь, могу поставить пятьдесят против ста, что это сосед с третьего этажа. Он не женат, живет с матерью, и я ни разу не видела его с подругой. Зато он всегда со мной вежливо здоровается, улыбается, пару раз будто хотел что-то спросить, но в последний момент передумывал. Он работает в нашей аптеке и...

– погоди, это такой мужчина лет сорока пяти, в очках, довольно приятной наружности? Помню, однажды мы вместе с тобой зашли в аптеку мне за аспирином, и ты шепнула, что аптекарь – твой сосед.

– Да, он. Сегодня, когда я шла к тебе, мы столкнулись в подъезде. Он открыл мне дверь, пропустил, а затем сказал, что я хорошо выгляжу, – Нора вздохнула. – Понимаю, что его поведение сложно расценить как поведение влюбленного мужчины, скорее как поведение воспитанного и вежливого человека, но я не знаю, на кого еще думать.

– Жаль, ты не сохранила первые письма. Было бы любопытно на них взглянуть. Это по содержанию какое-то странное. Знаешь, мне кажется сомнительным, что человек, его написавший, может работать в аптеке.

– Потому, что это письмо выглядит так, будто его написал человек... со странностями?
– М-м... Да. Впрочем, мы не знаем, что он тебе написал в предыдущем, которое ты выкинула не читая. И, кстати, ты сказала, что встретила фразу про улицу разбитых зеркал уже не раз за последние дни. Где? В его письмах?

– Нет. Один раз в газете – заголовок к какой-то статье. И второй раз услышала от другого соседа.

– Погоди-ка! Соседа?

– Нет, Рут, – засмеялась Нора. – Этому соседу уже за шестьдесят, он счастлив со своей женой. Я не раз вижу, как эта пара ходит, держась за руки. И у них трое внуков, которых они забирают из школы и занимаются ими до тех пор, пока за детьми не приезжают родители. Этому соседу просто некогда писать мне такие письма!

– И все же я бы не скидывала его со счетов.

– Его фраза относилась совсем к другой ситуации. Моя улица и правда улица разбитых зеркал. Автомобильных, – усмехнулась Нора.

– Что еще раз подтверждает твою гипотезу о том, что письма пишет кто-то из твоего или соседнего дома.

– Но не этот сеньор.

– Ладно, – нехотя сдалась Рут. – Знаешь что? Давай пройдемся до аптеки и посмотрим на твоего соседа-аптекаря!

– Зачем?

– Ну, я гляну на него еще раз, внимательней, и скажу точно – он или не он. У меня на людей чутье.

Нора тут же представила себе, как Рут в аптеке в упор уставится на фармацевта. А с нее станется и спросить в лоб, не он ли автор анонимных писем.

– Нет, не надо. Давай подождем. Посмотрим, как будут развиваться события.

– Держи меня в курсе! – строго наказала Рут.

– Непременно.

– Когда тебе выходить на работу? Завтра? – сменила тему подруга.

– Да.

– Значит, не сможем пообедать вместе. Жаль. Хотела тебя пригласить. Зайди ко мне вечером, когда будешь возвращаться. Выпьем вместе кофе и поговорим. Сейчас мне нужно вернуться к работе.

– Пока вдохновение не ушло, – засмеялась Нора, разгадав за словами подруги ее нестерпимое желание поскорей вернуться к реставрации драгоценного комода. Когда вдохновение овладевало Рут, бесполезно было толковать с нею о чем-то другом. Разговор о письме – небольшое исключение. Но и то потому, что происшествие показалось подруге выходящим за рамки нормального. И даже несмотря на это, письмо проиграло в битве с комодом с большим отрывом в счете.

– Ладно, беги к себе в мастерскую. Рада была тебя видеть!

– И я. Ужасно-ужасно по тебе соскучилась!

– И все же недостаточно, раз предпочитаешь моему обществу компанию комода, – не удержалась от веселой подколки Нора.

– Извини, – расплылась в широкой улыбке Рут и потеряла большим пальцем кончик среднего. – Когда вдохновение зудит вот тут, в пальцах, заставляя их гореть и чесаться, сопротивляться ему бесполезно. А то обидится и долго не будет приходить.

– Беги! – махнула рукой Нора. – Я расплачусь.

– Завтра кофе угощаю я! – крикнула Рут, качнула на прощание волосами-пружинками и скрылась за тяжелой дубовой дверью.

Нора еще посидела какое-то время в одиночестве, перечитывая письмо и думая, кем оно могло быть написано. Сейчас, после разговора с подругой, подозревать аптекаря ей казалось нелепым. И чем дальше Нора читала написанное, тем больше ей казалось, что автор письма – третий подозреваемый, о котором она не рассказала Рут. Овдовевший старик с верхнего этажа, к которому раз в две недели приезжает взрослая внучка. Нора дважды помогала соседу донести покупки из магазина до лифта. И за эти короткие моменты общения словоохотливый старик успел рассказать о себе – и про умершую шесть лет назад супругу, и про внучку, и про свою любовь к книгам. Да, больше писать письма некому. Все сходится. Но что делать со своим открытием и как вести себя дальше со стариком соседом, Нора не знала. Она расплатилась по счету, поблагодарила хозяина кафе и вышла на улицу. В этот последний день августа солнце палило так нещадно, будто август не шел на убыль, а достиг своего максимального пика. Лето вдруг представилось Норе не в виде сезона, а в виде радиоволн, а все, что ее окружало, – огромными радиоприемниками, настроенными на одну летнюю волну. Все, мимо чего проходила Нора, на что наступала, чем дышала, транслировал в прямом эфире удушающий зной – поры каменных кладок, плитки тротуаров, дорожное покрытие, потерявшие упругость листья, шуршащее за спиной море, шорох автомобильных шин, дрожащий разогретый воздух. Удушающая жара, сводящая с ума. Те пятнадцать минут по раскаленным улицам, что Нора поднималась к своему дому, показались ей вечностью в аду. Выпитый кофе свернулся в желудке колючим ежом, и девушка пожалела, что вместо него не заказала ледяной минералки. Но вспомнив о том, что у нее в холодильнике стоит запотевшая бутылка минеральной воды, взбодрилась, как пересекающий пустыню путник при виде оазиса, и зашагала уже бодрее.

Нора подходила к своему подъезду, когда увидела возле него соседнего парня. Молодой мужчина по будням ездил до Барселоны на той же электричке, что и она. Впервые Нора увидела его чуть больше года назад, когда переехала в новую квартиру. Она заходила в свой подъезд, а парень вышел из соседнего. Но тогда не он привлек внимание девушки, а красавица хаски – дымчато-серая, с белой грудью и пронзительно-голубыми глазами. И уже позже Нора увидела соседа на станции: год назад он сел в тот же поезд, что и она, и с того дня присоединился к группе постоянных пассажиров, которых девушка встречала ежедневно в течение рабочего года. Мужчина был симпатичным, чуть выше среднего роста (а в сравнении с невысокой Норой казался рослым), спортивного сложения. Удлиненные волнистые волосы молодой человек зачесывал назад, и прическа его держалась безупречно в любую погоду, и это заставляло Нору подшучивать про себя, что наверняка парень выливает на голову добрую порцию укладочного средства. Полгода назад к нему присоединилась девушка – невысокая брюнетка с копной вьющихся волос. Молодой мужчина каждый раз дожидался подругу возле турникетов, а она постоянно опаздывала и торопилась к нему навстречу с виноватой улыбкой зачастую уже в тот момент, когда поезд подходил к станции. Они вместе торопливо засовывали свои билеты в щель турникета и бежали к предупреждающе сигналящим перед закрытием дверям электрички. И когда вбегали в поезд, праздновали свою маленькую победу коротким поцелуем. Девушка смеялась, а парень ей в очередной раз несерьезно выговаривал за опоздание. Она винулась и обещала не опаздывать. И на следующее утро они вновь мчались к дверям, едва успевая. Однажды они все же опоздали. Из окна проезжавшего мимо платформы поезда Нора увидела, как парень, размахивая руками, сердито выговаривал девушке за опоздание. И та уже не смеялась, а тоже размахивала руками, споря с ними. Но потом, целую неделю, приходила к электричке вовремя. А затем опять стала опаздывать. Нора, удивительно, даже переживала, не поругалась бы эта пара вновь из-за непунктуальности девушки. Что-то в них было – и в этом парне, и в его спутнице, что ей симпатизировало, заставляло изо дня в день дожидаться их и тайно наблюдать. Иногда она видела соседа возле дома, когда он выгуливал свою красавицу хаски. А несколько раз встретила на их улице и с его девушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.